nasonovsky.com

СЕРГЕЙ
НАСОНОВСКИЙ

БРАТ ЕСАУЛА

1812

Данила Бодров

Сергей Насоновский

Брат есаула. 1812. Том 1

«Автор»
2026

Насоновский С.

Брат есаула. 1812. Том 1 / С. Насоновский — «Автор», 2026 — (Данила Бодров)

Хирург из нашего времени очнулся в 1812 году, в теле четырнадцатилетнего донского казака.Поход Наполеона на Россию только начался. Но несмотря на юный возраст, герою предстоит сыграть свою роль в истории. Ведь он теперь - младший брат есаула Бодрова.Вот только вначале нужно помочь раненому дядьке-наставнику. А потом их ждет долгий путь и поиски старшего брата.В этом мире нет привычных лекарств и автоматического оружия. Но есть люди, которым нужна помощь...Брат есаула — приключенческий роман, основанный на реальной истории.Мы не пишем учебник истории, но стараемся бережно относиться к эпохе. Где-то события и связи могут быть изменены ради сюжета, всё-таки это альтернативная история.Новая глава ежедневно в 00:00 мск.Консультант по истории казаков: Павел Андреевич Чехутов

© Насоновский С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Второй вдох 5
Глава 2. Дар на ощупь 11
Глава 3. Мимо не пройти 19
Глава 4. Память тела 27
Глава 5. Свои 36
Глава 6. Чужая депеша 43
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Сергей Насоновский
Брат есаула. 1812. Том 1

Глава 1. Второй вдох

25 сентября 2026 года, Киренск. Районная больница.

— Ножницы, — сказал я, затягивая последний узелок.

Олег обрезал нить, Таня подала салфетку, оставалось лишь наложить повязку. Я распрямился, хотел вдохнуть поглубже, но в груди защемило так, что пришлось открыть рот.

— Олег, закончи тут, — попросил я и сделал два шага от стола, прижимая ладонь к груди.

Боль нарастала. Ещё шаг — и ноги начали подгибаться. Мне подставили табурет и придержали за плечо. По-моему, это Таня была. Сев, машинально потянул за край перчатки, но пальцы дрогнули и соскользнули. Перед глазами поплыли светлые пятна, и я прикрыл веки.

— Как мальчик… давление? — еще успел спросить я.

— В норме, — услышал я голос Олега. — Вы его вытащили, Андрей Викторович, это настоящее чудо!

Теперь выдохнуть у меня получилось. Коля будет жить. Мать у него там, в коридоре, надо пойти и сказать…

Попытался открыть глаза и встать. Но всё вокруг поплыло, я начал заваливаться назад; чьи-то руки подхватили меня под мышки.

— Таня, зови реанимационную бригаду! Андрей Викторович, слышите меня? У него…

Я ещё слышал Олега, но ответить уже не мог…

16 июня 1812 года. Переправа у Олькеников.

Закашлялся, ещё не открыв глаз. Похоже, серьёзно нахлебался. Меня дёрнули за ворот, и над самым ухом раздался хриплый голос:

— Данила, дыши! Ну дыши же!

Я хватанул воздуха и снова зашелся кашлем. Перед глазами появилась усатая морда. Незнакомый мужик пятился к берегу, удерживая меня одной правой рукой за шиворот. Я наконец ощутил ногой дно, попытался оттолкнуться, но сапог только скользнул по глине.

— Давай, давай… За траву хватайся!

Пальцы вцепились в мокрые стебли. Твою ж… Кажется, это осока. Мужик ещё раз потянул и выдернул меня на берег. Я попытался вдохнуть, но один чёрт не получалось.

Меня крутанули за плечо, переворачивая на бок. Кашель скрутил так, что отдавало в голове. Потом начало полоскать всем содержимым желудка, в основном водой, которой я знатно наглотался. Сплюнул, наконец жадно втянул воздух и снова закашлялся, благо уже слабее.

— Ну вот… Живой, Данила, лежи покуда! — тяжело дыша, сказал мой спаситель.

Он сидел рядом, придерживая ладонью мою спину. Я видел только примятую нами траву и его колени.

Когда кашель стих и меня перестало выворачивать, я попытался приподняться. Мужик тут же подхватил меня под руку и помог сесть. От движения в голове зашумело. Я замер, пережидая дурноту.

— Вот же напасть… Чуть было не утоп! — Мой спаситель провёл ладонью по мокрым усам. — Как же так-то, куда глядел, Данила?

Я осмотрелся. Река, заросший кустами берег, густая трава вокруг. Чуть в стороне над водой был низкий деревянный мост. Даже отсюда я заметил щель в настиле: одна доска про-

валилась и торчала наискось. Ни операционной, ни Олега с Таней, ни только что спасённого мною мальчика Коли здесь, увы, не было. Голова туго соображала. Похоже, сотряс схлопотал.

Незнакомец наклонился ко мне. На вид ему было за сорок: сухое лицо, глубокие складки у рта, густые усы. Мокрый ворот распахнулся, под странной тёмной курткой или пиджаком виднелась рубаха. Сразу бросились в глаза слегка изогнутые ножны с саблей на поясе.

— Что за чертовщина происходит! — вырвалось у меня. Я встряхнул головой и оглядел его внимательнее. Казак, что ли?

Левую руку он прижимал к животу. С манжеты на траву текла кровь.

— Данила, ну ты как? Язык, что ль, проглотил?

Смотрел на него и пытался сообразить, что сказать. И какой я ему, к лешему, Данила!

— Ты меня-то слышишь? — Мужик подался ближе. — На меня глянь, неужто не узнаёшь? Мутит ещё? — Он дотронулся до моей головы, отчего я скривился.

Казак выругался сквозь зубы и оглянулся.

— Говорил же: придержи коня, дай мне первому пройти. Доска треснула, вона, гляди, торчит окаянная, — показал он пальцем в сторону моста.

— Буян твой оступился, скотина такая, и заваливаться стал, а ты из седла полетел… Да ещё видел, как головой о доски приложился! Машку с Баловнем я уж в поводу перевел, да привязал. Я, значится, сразу спрыгнул со своей Звездочки, да и в воду сиганул.

— Так-то тут неглубоко, — продолжил он, — да на дне коряга оказалась, я аккурат рукой на нее и напоролся.

Он чуть отвел от живота левую руку, показывая. Рукав был разодран, края ткани потемнели от крови. Казак тяжело вздохнул и снова прижал руку к себе.

— А заводной-то твой тю-тю, — махнул он правой рукой на противоположный берег. — Выбрался и в кусты уже там. Баловень, любимчик твой, хоть здесь остался.

— А что на нем было?

Я широко открыл глаза. Ведь эти слова произнёс я, но голос… Слишком молодой, звонкий, подростковый. Невольно тронул рукой горло. Это ещё что за новости?

— Пистолет твой седельный да конноегерское ружьё в чехле, не помнишь? — Казак посмотрел на меня с непониманием. — Седло со сбруей тоже, понятно. А вещи на Машке, она вон стоит. Харчей только к концу дороги мало осталось. Вяленое мясо доели, от колбасы один огрызок, толокона на дне мешочка, крупы еще осталось немного, ну и пастила сухая есть еще. В селениях-то покупали, что попадется, а последние два дня все мимо да мимо, своими запасами питались.

Я пытался собраться с мыслями. Голова гудела, перед глазами всё ещё слегка размывалось. Сотрясение вполне могло быть, но оценивать тяжесть собственной травмы в таком состоянии — дело неблагодарное. Про удар головой я знал только со слов этого мужика. Самого падения не помнил.

А вот операцию, которую проводил до этого, помнил отчётливо.

— Вон Звездочка, Машка наша, вьючная, да Баловень твой.

Я глянул, куда он показывал. У края моста, на нашем берегу, стояла оседланная кобыла. Она повела ухом на голос хозяина и повернула к нам голову. Рядом другая, с какой-то поклажей по бокам, привязанная к деревцу.Чуть дальше стоял еще один оседланный конь. На голос казака он поднял голову и потянулся на привязи к нам.

— Эти хоть на месте, — пробормотал казак. — А Буяна мы, похоже, сейчас не догоним. Ну, глядишь, и сам одумается, да вернётся. — Он посмотрел на окровавленный рукав, потом снова на меня.

— Я с такой рукой, да и ты сидеть даже толком не можешь.

На противоположном берегу что-то шевельнулось. Между кустами мелькнула серая спина, за ней еще одна. Я прищурился, пытаясь разглядеть.

— О-о… А я-то думаю, чего Буян так рванул, — протянул казак. — Волки, вот оно что.

Звездочка всхрапнула, повернула голову в сторону хищников и попятилась от моста. Потом развернулась и сама посеменила к нам. Спустилась по берегу, остановилась возле хозяина, раздувая ноздри. Машка тоже беспокойно переступала, но привязь держала ее у деревца. Баловень вскинул голову, натянул повод и замер, глядя на тот берег.

— Тихо, тихо, дуреха, тут покуда стой.

Серые спины скрылись за кустами. Казак еще немного последил за тем берегом, затем повернулся ко мне.

— Ну чего скажешь-то? Шибко голова болит?

— Болит. Только хуже другое… Я ничего не помню. Ни тебя, ни этого места. Где мы вообще?

— Как это — меня не помнишь? — Он перестал поглаживать кобылу.

— Вот так, будто вижу впервые.

Казак помолчал, внимательно разглядывая меня.

— Кондрат я, дядька твой. — Он подождал, словно имя должно было все прояснить. — А ты Данила Бодров. Неужто и этого не помнишь?

Бодров… Знакомая фамилия. У матери до замужества была та же, и дед по ней тоже Бодров, с Дона он был. Надо же…

— Не помню, хоть убей. — Я покачал головой и тут же пожалел об этом, скривившись. — Где мы, Кондрат?

— Так уже недалече от Олькеников. До полка мы добираемся, к брату твоему родному едем, Федору Михалычу.

— Брат?

— Ну да, есаула он уже выслужил, двадцать семь годков ему нынче, старший твой брат. Он тебя и вызвал, письмо в станицу нашу прислал. А мне наказал, значится, сопроводить тебя в полк. Вот… А тут это… — Кондрат махнул рукой и глянул на пролом в мосту, поджав нижнюю губу.

Я опустил глаза на руки, пошевелил пальцами.

— Сколько мне сейчас?

— Дык четырнадцать энтой весной исполнилось.

Я набрал воздуха и медленно выпустил его, надув щёки. Во дела!

— И что, уже на службу в четырнадцать лет пора?

— Какое там служить. Учиться ты едешь. Фёдор из тебя офицера сделать хочет. Будешь науку военную постигать при нём, в полку Денисова Седьмого, с которым в свое время и батюшка твой, царствие небесное, — перекрестился Кондрат, — служил.

Казак говорил все медленнее, пытаясь во мне что-то разглядеть.

— Мы же с Дону вместе ехали, из Раздорской. Ну хоть станицу-то помнишь?

Я молча посмотрел на него. Он отвёл глаза и поправил левую руку на колене.

— Добре, погоди-ка пока. Может, энто у тебя от удара головой. Вот оклемаешься, глядишь и вспомнится все.

Кондрат снова посмотрел на свою руку и попробовал отодрать начинающую присыхать окровавленную ткань, отчего скривился.

— Дядь Кондрат, дай гляну.

— Да чего там глядеть-то, Даня? Обдер всего-то. Ты сам покуда сиди, оклемайся.

Он начал прикрывать разрыв на рукаве, но я остановил его:

— Погоди, нельзя так, — не унимался я. — Ты так только грязь в рану занесёшь. Дай руку, я гляну, что с ней.

Я сказал это тем спокойным тоном, каким много лет уговаривал упрямых пациентов. Кондрат поднял на меня глаза и всё-таки подвинулся ближе, позволив взять себя за запястье.

Данила я теперь или ещё чёрт знает кто, а почти двадцать два года работы хирургом в райбольнице из памяти никуда не делись.

Осторожно отвёл края разорванного рукава. На предплечье, среди ссадин, открылась неровная рана. Кровь сочилась понемногу, к коже прилипли грязь и мелкий речной мусор. Руку Кондрат держал прямо, явного искривления я при осмотре не заметил.

— Пальцами пошевели, только тихонько.

Он согнул пятерню и поморщился.

— Здесь тянет? — Я указал на предплечье.

— Здесь, где ж еще-то.

Пальцы двигались, прикосновение к кисти он чувствовал. Уже хлеб, а вот грязная рана и боль при движении не нравились. Что там глубже, так с ходу не разберёшь. Коряга та могла и обломок оставить.

Для нормальной помощи нужны были хотя бы чистая вода и перевязочный материал. Надо добраться до поклажи, вынуть чистое полотно, вскипятить воду. Пока же лезть в рану грязными пальцами я не собирался.

— Держи пока вот так.

Я выбрал на внутренней стороне его подола участок почище, сложил ткань в несколько раз и приложил к ране. Кондрат прижал её правой ладонью. Это годилось лишь на время. Промыть рану и сменить тряпку всё равно придётся, и как можно скорее.

Оставалось устроить руку, чтобы он не держал её на весу. Я помог уложить предплечье на согнутые колени, придержал сбоку. Указательный палец моей правой руки коснулся кожи рядом с раной. Я вздрогнул, даже чуть не подпрыгнул.

Это еще что за хрень?!

Подушечка пальца лежала на коже, но прикосновение я чувствовал будто бы чуть глубже. Будто палец стал длиннее: от него выдвинулся тонкий невидимый кончик и упёрся во что-то мягкое, податливое. Я ощущал это сопротивление так же отчётливо, как кожу под остальными пальцами.

Посмотрел на Кондрата. Тот хмуро разглядывал свою руку, лицо его не изменилось. Я поднёс правую руку к глазам. Палец как палец, под ногтем грязь. Но ощущение, словно он длиннее, чем надо, осталось.

Так! Уж не поехала ли у тебя крыша, Веденин? Головой приложился, воды нахлебался, выглядишь подростком, сабля и огромный нож на боку. Теперь ещё и это.

Я обхватил указательный палец левой рукой и с силой надавил на ноготь. Стало больно, вполне обыкновенно и довольно ощутимо. Но это невидимое продолжение никуда не делось, твою дивизию!

От разглядывания пальца меня отвлёк стук копыт. На мост въехали двое всадников. Доски настила загрохотали, Кондрат тоже повернул голову.

На обоих были тёмно-зелёные мундиры с белыми ремнями поперёк груди. Но сперва я уставился на их головы. Желтоватые металлические каски с высоким гребнем, чёрной полосой вокруг и длинными хвостами, спускавшимися сзади почти до плеч. Конский волос, что ли? Первый всадник повернулся в нашу сторону, резко остановил лошадь и показал на нас.

— Là, près de leau! (Вон там, у воды!)

Второй что-то коротко ответил. Что на французском, я понял, а о чём они там говорят — вообще не в зуб ногой.

— Дядь Кондрат, это кто?

— А Бог их ведает, но форма не нашего полка.

— По-французски говорят.

— Дык господа и промеж себя частенько так балакают, — негромко ответил он, разглядывая всадников. — Погоди-ка.

Незнакомцы развернули коней к нашему берегу. Добравшись до него, спешились и двинули к нам, держа животных в поводу. Я увидел высокие чёрные сапоги, запылённые светлые штаны и длинные прямые ножны у левого бедра каждого. Рукояти оружия прикрывали жёлтые металлические дужки.

Один из приезжих был широкоплечий, с темными усами и тяжелой нижней челюстью. Второй пониже, сухощавый, с рыжеватыми бакенбардами.

Рыжий шёл впереди. Сначала кинул взгляд на Звёздочку, потом на Кондрата. Задержался взглядом на одежде казака, опустил глаза к сабле. Оглянулся на товарища и чуть дёрнул подбородком в нашу сторону.

Широкоплечий перестал улыбаться. И мне это не понравилось.

Рыжий привязал лошадей к деревцу шагах в десяти. Широкоплечий всё это время не спускал с нас глаз. Потом оба сняли ружья или винтовки, чёрт его знает, как они называются. У обоих на концах виднелись штыки.

Широкоплечий закинул ружьё ремнём на правое плечо, стволом вверх. Рыжий держал своё в руках. К нам они пошли неторопливо. Словно двое здоровых мужиков-реконструкторов решили выяснить, кто тут расселся возле воды.

— Сиди покуда, — бросил мне Кондрат и начал подниматься, махнув рукой. Но я всё-таки встал следом. Земля под ногами чуть качнулась, пришлось расставить их пошире.

Широкоплечий оказался на голову выше меня. Вблизи видна щетина на щеках и светлая незагорелая полоса под подбородком. Сейчас ворот мундира был расстегнут, черная повязка на шее ослаблена и сбилась набок.

— Здорово, служивые, — начал Кондрат. — Вы какого…

Рыжий вдруг сделал два быстрых шага и со всей дури ударил его кулаком в живот. Кондрат толком выпрямиться не успел: хекнул и стал заваливаться обратно на землю.

Я было дёрнулся к нему, но широкоплечий ухватил меня за шиворот и рванул к себе. Я попытался упереться локтями ему в грудь, но он перехватил меня за горло, второй рукой продолжая держать за шиворот.

— Maudits Cosaques! Où est votre fameux courage? Des gueux, rien de plus! (Проклятые казаки! Где ваша хваленая удаль? Одна голытьба, больше ничего!)

Он говорил мне прямо на ухо. Я слегка повернул голову, почувствовал его дыхание, увидел желтоватые зубы под усами, не понимая ни слова.

Да уже, похоже, и не требовалось. Я вцепился левой рукой в его запястье, правой попытался отжать пальцы от горла. Бесполезно, ладонь у этого верзилы что та лопата.

С каждой моей попыткой вырваться он, сволочь, только сильнее сжимал горло.

Вот теперь я почувствовал, как мне не хватает взрослого тела. Голова знала, что делать, но силы не хватало.

Я ударил его ногой, скользнув по сапогу. Он встряхнул меня так, что зубы щёлкнули, притянул ближе. Голову прострелило болью. Вдохнуть по-хорошему он мне, похоже, уже не позволит.

Чуть в стороне закашлялся Кондрат. Я скосил глаза. Казак пытался перекатиться, вытягивая из-под себя здоровую правую руку. Пальцы добрались до рукояти сабли, но рыжий заметил это, наклонился, выдернул её сам и отбросил в сторону, после чего громко заржал:

— Quest-ce quon en fait? (Что с ними делать будем?)

Мой, не ослабляя хватки, повернул к нему голову:

— À quoi te sert ta baïonnette? (А на что тебе штык?)

Теперь они рассмеялись вместе. Я слов не разобрал, зато увидел, как рыжий поудобнее перехватил ружьё, отставил ногу и посмотрел на лежащего Кондрата.

Всё понятно. Сейчас нас убивать будут.

Я снова дёрнулся, перед глазами поплыли тёмные пятна. Я и после купания дыхание не восстановил полностью, а теперь этот сукин сын выжимал из меня последние крохи.

И тут я вновь почувствовал свой палец. А точнее, его невидимое продолжение, от знакомства с которым меня отвлекли эти беспредельщики.

Я повёл плечом и потянулся к его шее. Тот даже не отстранился, лишь скривил губы, глядя, как я шарю ладонью у него под подбородком.

Палец скользнул по сукну. Так, ещё… Коснулся кожи.

Мягкое сопротивление плоти отозвалось сразу. Сонная артерия… За долю секунды я прокрутил в голове, что нужно сделать. По затылку пробежали мурашки.

Надо перерезать артерию, как скальпелем, я кажись знаю как именно! Пальцы скребнули по щетинистой шее, широкоплечий ещё сильнее стиснул моё горло. Ну же, твою мать!

Я уже не пытался сорвать его руку. Все силы, что у меня остались, отдал этой завиральной мысли, лишь одному прикосновению.

Я не видел, но чувствовал, как невидимый щуп на пальце прошёл глубже, встретил упругое сопротивление стенок артерии. На мгновение мне показалось, что я и правда работаю скальпелем.

Надрез. Еще. И вот так.

Сопротивление пропало. Широкоплечий дёрнулся, рот его приоткрылся, рука на горле разжалась. Он выпустил мой ворот и обеими руками схватился за шею. Ружейный ремень сполз с его плеча. Я подхватил ружьё, не дав ему упасть, и попытался хоть разок вдохнуть нормально.

Крови я не увидел, но на шее начала стремительно набухать гематома, я понял, что с ним сейчас происходит.

Перехватив ружьё, я повернулся к Кондрату. Рыжий уже изготовился наносить удар.

Не раздумывая, бросился вперёд. На хороший разбег сил не осталось: я просто выставил его как копье и навалился на рыжего всей массой.

Штык вошёл ему в бок.

Француз вскрикнул, резко развернулся, и его приклад прилетел мне в грудь. Но ружьё я не выпустил. На миг мы оказались лицом к лицу. Рыжий смотрел на меня широко раскрытыми глазами, а я всё ещё давил, сам не понимая, откуда в этих руках появилась сила.

Потом ноги у него подломились. Он рухнул возле Кондрата. Но тут и меня достало: разом навалились тяжесть, усталость и боль в голове, берег будто поплыл куда-то вверх.

Колени ударились о землю. Я услышал какой-то нечленораздельный хрип Кондрата и завалился рядом с убитым мной французом.

Глава 2. Дар на ощупь

Я открыл глаза. Кондрат склонился надо мной, держа у самых губ горлышко фляги.

— Данила, ты меня слышишь?

— Слышу, — выдавил я.

— Тогда попей, только помалу.

Сделал два глотка и отвел его руку. Во рту остался слабый алкогольный привкус. С фляги свисал длинный ремень.

— Откуда такая?

— Да с ихнего седла снял. Вода с вином, сам уже попил.

Я уперся локтем в землю, попробовал сесть, и меня повело. Кондрат положил флягу и поддержал меня правой рукой.

— Куда ж ты рвешься-то все? Погоди малость.

Левая у него все так же безвольно свисала вдоль тела.

— Долго я так?

— Да почитай только и успел тебя окликнуть, послушать, дышишь ли. Потом еще за водой сходил.

Значит, ненадолго отключился. Может, пока дрались, адреналин подстегивал, а кончилось все — сил и не осталось. Еще и головой приложился, чуть не захлебнулся, а потом душил этот козел. Причин много. Может, и эта чертовщина с пальцем какой откат имеет. Но на нее одну все списывать я бы не стал. После удара головой такой провал мне совсем не нравился.

Посидел, пережидая дурноту. В затылке пульсировала боль, рубаха липла к спине. Кондрат опустил руку, когда я перестал заваливаться набок.

Рыжий лежал рядом, подвернув под себя ногу. Из-под него торчало ружье. Мундир на боку был залит кровью.

— Погоди, — сказал я, заметив, как Кондрат покосился на оружие. — Проверю их.

До рыжего добрался на коленях. Пульса не было, грудь не поднималась. Кондрат кое как встал, придерживая левую руку, и следя за руками француза. Потом я перебрался к широкоплечему.

У этого шея с одной стороны заметно распухла. Припухлость начиналась под челюстью и уходила за расстегнутый ворот; кожа над ней натянулась, отдавая синевой - кровь под давлением расслаивала ткани изнутри, а снаружи никакого пореза не видать.

— Вот те на… — Я посмотрел на свой указательный палец.

— Ты с ним чего эдакое сделал? — негромко спросил Кондрат. — Держал он тебя, а потом раз — и повалился.

— Сам еще не понял. — Я пожал плечами.

Кондрат помолчал, глядя на меня, вздохнул и отвернулся к мосту.

— Дядь Кондрат, живот как? Вдохнуть можешь?

— Да попустило уже. — Он попытался выпрямиться и поморщился.

— Угу, вижу, как тебя отпустило. А рука?

— Ноет, зараза.

Нам бы обоим сейчас лечь, да желательно в безопасном месте. Рукой казака надо заняться срочно. Так долго ходить нельзя.

Кондрат снова глянул на мост.

— Убираться нам надо, Даня. За этими еще кто приедет, чего доброго.

— Надо, — согласился я. — Только с пустыми руками не пойдем.

Показал на ружье, потом на двух привязанных у дерева лошадей. Кондрат проследил за моей рукой.

— Заберем, что пригодиться может. А этих хотя бы вон лопухами закидаем. Только живо все сделать нужно.

— Саблю мою сперва подай. Вон она, за тобой.

Я поднял клинок и вернул Кондрату. Он убрал его в ножны здоровой рукой. Я взялся за рукоять своей сабли, выдвинул клинок на ладонь и с лязгом вернул обратно.

Кондрат глянул на Звездочку, потом снова на мост.

— Ружья оба бери, и сумы с патронами.

Одно поднял сразу. Второе пришлось вытягивать из-под рыжего.

— Годные ружья, — сказал казак, когда я положил их рядом. — В Пруссии, в седьмом годе, такие видал. Штыки сыми, в дороге оне ни к чему.

— А сейчас тогда какой год? — Я уставился на окровавленный штык.

— Дак ты и это запамятовал? — Он всмотрелся мне в лицо. — Тысяча восемьсот двенадцатый.

Черт… 1812-й — это же французы и Наполеон!

— Данила, штык-то снимай, чего замер?

Кондрат правой рукой помог снять первый штык, со вторым я уже справился сам. Подобрал обе патронные сумы. Можно ли из этих ружей сейчас стрелять, я пока не знал.

Значит, меня занесло больше чем на двести лет назад? Пальцы не слушались, никак не мог застегнуть ремешок. То ли от усталости, то ли от услышанного?

У рыжего снял длинный прямой клинок вместе с ножнами.

— Угу, вот этот один палаш возьмем про запас, — кивнул Кондрат. — Второй оставь. Свои-то у нас тоже есть.

Прежде чем отойти, я наломал лопухов. Прикрыл лица и мундиры широкими листьями. Издали не разглядишь, а вблизи… Хрен с ним!

Подобрал оставленную флягу и понес к лошадям. У первого седла развязал мешочек, вынул кусок хлеба. Рядом оказался завернутый в тряпицу кусок твердого сыра. В другой сумке нащупал полотняную рубаху. Развернул: изнутри ткань была почище.

— На перевязку возьмем.

Сложил обратно, свою сменную рубаху пока поберегу, а эту можно пустить на перевязки. У второго седла нашлась еще фляга. Кондрат понюхал, попробовал — тоже вода вином разбавленная.

Я опять посмотрел на свой палец. В прошлое угодил значит. А что за чертовщина с пальцем? Может, тут и Наполеон совсем другой, и сам мир не тот. Или я вообще сейчас лежу в реанимации под капельницей и обколотый чем-нибудь, расширяющим сознание.

Сунул флягу обратно и взялся за узел на привязи.

— Обоих возьмем, — сказал Кондрат. — Токмо седла снимай, считай повезло, хоть твое Буян и унес. А эти не привычные для нас, кавалерийские.

— А чего с сёдлами не так? — не понял я, глядя на меринов.

Кондрат оглядел обоих, провел ладонью по спине ближайшего.

— И это забыл? — вздохнул он, — так наши-то седла с подушкою, вона гляди как на моей Звездочке. Мы же привычные с согнутыми коленями сидеть, а кавалеристы, что наши что французские с прямыми ногами в стременах ездют, шпорами своими позвякивают.

— На Баловня сядешь, — продолжил он. — А седло Галкино на него примерим.

— Галкино?

— Заводная-то моя. В Оранах мы ее оставили, ногу кобыла подвернула. Хозяину двора за корм заплатил, просил поберечь. Будто чуял, что надо и Звездочку, и Галку седлать, а теперь оказывается, как воду глядел. Вон к Машке приторочено. Мы же с Дону на пятерых сюда отправились: нам по верховому да по заводному, и Машка под вьюк. К брату твоему поспешали,

коней меняли не один раз на дню. Сегодня ты на Буяне ехал, Баловню роздыху давал, а тепереча вона как вышло.

— Может хоть одно оставим?

— Ну одно оставь! — пожал он плечами.

— Дядь Кондрат, а тебя по батюшке как?

— Фомич. Кондрат Фомич Бирюков я, Данила.

— Спасибо тебе, Кондратий Фомич!

Он махнул рукой и погладил ближайшего гнедого мерина по шее. Тот потянулся мордой к его ладони. Второй серый, вскидывал голову и косился на берег. По указанию Фомича я провел каждого несколько шагов, а он посмотрел, как ступают.

— Гнедой гляди-ка посмирнее будет, — сказал Фомич. — Но ноги у обоих целы, идут ровно. Добрые заводные нам будут.

Расседлал обоих драгунских меринов, по указке Кондрата. Фомич велел забрать переметные сумы и оставить уздечки на конях, а чужие седла с потниками я оттащил под куст. С Машки снял Галкино седло; Фомич помог приладить его на Буяна, поправил подушку. Драгунских меринов приготовились вести в поводу.

Ружья пришлось относить по одному; после второго остановился, опираясь на седло. Одно закрепили у моего седла, другое — у седла Звездочки. Кондрат держал Баловня под уздцы и подсказывал, как крепить оружие. Обе патронные сумы устроили у моего седла. Машка стояла там же, на привязи. В ее общую поклажу убрал оба снятых штыка, запасной палаш, трофейную рубаху, хлеб и сыр, пристроил обе фляги.

Звездочка ткнулась хозяину в плечо. Бирюков потрепал ее по шее.

Баловень потянулся ко мне, ткнулся мордой в грудь. Я отшатнулся от боли, и конь замер, шумно втягивая воздух ноздрями, словно чуя, что с хозяином что-то приключилось.

— Свои же, дурень, — пробормотал я и осторожно погладил его по шее.

— Пять лет с ним не расставался, — сказал Фомич. — Сам еще с зеленых соплей жеребенком его обихаживал. Чего теперь-то от него шарахаешься?

Что тут скажешь? Конь меня знал, а я его видел впервые. Подержал ладонь на теплой шее, почесал гриву. Баловень опустил голову. Ну вот, уже лучше, будем знакомы, дружище.

— А день какой сегодня? — спросил я, затягивая последний ремень.

— Дык шестнадцатое июня с утра было.

Июнь двенадцатого года. Вторжение Наполеона… В общих чертах это я помнил, а вот где сейчас искать наши, понятия не имел. А французы уже здесь. Кажется, именно в начале июня армия Наполеона и перешла через Неман.

— Похоже, война началась, дядь Кондрат.

— Ничего нам про войну никто не говаривал.

— А эти? Вооруженные французы, скорее всего драгуны. Увидели казаков и сразу полезли убивать. Не просто так они здесь.

— Может, и так, — помолчав, ответил он. — До своих доберемся и дознаемся. Уходить надо, Даня.

— Вот и кони эти, выходит, трофейные, Фомич. За это свои не осудят?

— Что с боя взято, то свято, — ответил он. — Коня казаку, тем паче в бою взятого, бросать не дело. Токмо о том, как ты энтого голыми руками свалил, покуда лишку не трепли, ни к чему оно.

— Хорошо, Фомич, — кивнул я. Тут он был прав. — Только нам сначала место бы тихое надо найти. Руку тебе промыть, перевязать по-хорошему. И отлежаться хоть немножко, отдохнуть.

Кондрат посмотрел на мою ладонь, вцепившуюся в седло, и качнул головой.

— Найдем местечко, Данила, не тут же нам оставаться! Туда пойдем, берегом. — Фомич показал вниз по течению.

Буян пропал вместе с моим ружьем и седельным пистолетом, это плохо, но сейчас нам нужно самим выбраться.

Я отвязал Машку и Баловня. Сначала повели всех пятерых в поводу. Я своего и обоих драгунских, Кондрат — Звездочку и Машку. У пригорка казак остановился.

— Подведи сюда, легче залазить будет. Повод подбери. Да не тяни ты так!

Я ослабил руку. С пригорка нога уверенно попала в стремя, но подтянуться сразу не смог. Переждал боль в груди и со второй попытки забрался в седло. В голове зашумело.

Кондрат сел с того же пригорка. Больную руку устроил перед собой, повод Машки взял в правую вместе с поводьями Звездочки. Поводы обоих драгунских Фомич подал мне. Гнедого подвел поближе, серому оставил места сзади.

— Близко не напирай, коню место оставь. Во, вот так.

Поехали шагом. Сперва было очень непривычно, но помаленьку осваивался. Ноги сами находили упор, поясница подстраивалась под шаги Баловня. На повороте рука подобрала повод даже раньше, чем успел сообразить, что делаю, и мерин слушался.

Ничего себе! Похоже, умение ездить верхом сохранилось. Как учили, не помню, но выходит вполне себе… Попробовал остановить коня, потом снова пустил шагом. На рысь я сейчас конечно бы не решился.

— К Федору тебя доставить велено, — сказал Кондрат. — Долго тут отлеживаться нам никак нельзя.

— Знаю. Только с такой рукой ты и до него можешь не доехать. И сколько еще французов поблизости, мы не знаем.

— Так, может статься, и нету никакой войны-то. Приехали к какому знакомцу в гости, мало ли… Хотя, в Пруссии то мне уже побывать довелось…— закончил он задумчиво.

— Вот перевяжу тебя, передохнем, — не стал я переубеждать Фомича, — а потом решим, как к своим выбираться.

— Ладно уж, ну чур только не тянуть с энтим.

Мокрую низину обогнули по краю. На кочке меня чуть повело. Остановил коня, прикрыл глаза. Фомич подождал. Машка тем временем потянулась к траве, натягивая повод; Кондрат придержал Звездочку, не давая лошадям разойтись.

— Обойди нас слева, Даня. Только не вплотную.

Я провел своего мимо. Машка пошла за нами. Дальше снова вел Кондрат.

У первого сухого пригорка я уже хотел было слезть. Но Фомич показал между ветвями:

— Дорогу видишь? — Он дождался моего кивка. — Вооот! И нас оттуда увидят.

Под ивами было укромное место, но тут прям из-под копыта вода выступила. Поехали дальше. И только у поворота реки нашлась заросшая ложбина с сухой площадкой на склоне. Кусты закрывали ее со стороны дороги, а вдоль берега можно было пройти дальше.

— Версты две, а то и три отошли, кажись, — прикинул Кондрат, оглядываясь. — Тут покуда побудем.

Я сполз с коня. Фомич спешился, прошел вдоль кустов и поманил меня.

Метрах в ста от лежки, за кустами, тянулась узкая колея. Одним концом к полям, другим — в сторону дороги.

— От угодий там, видать, выезжают, — сказал Бирюков. — Место наше с нее не видать. А нам надо начеку быть.

Вернувшись, снял седла с верховых, потом принялся разгружать Машку. Вещи опускал по одной, с передышками, последствия перенесенного никуда не делись. Кондрат указал, где оставить седла и оружие, куда привязать лошадей.

Развязал вьюк. Под верхней покрышкой лежали сухие запасные рубахи и исподнее, два бережно сложенных комплекта одежды, папахи к ним. Ниже — какая-то зимняя одежда. В полк мы собирались явно на долгое время.

— Это парадное, — пояснил Фомич, заметив, что я разглядываю вещи. — Кажному по комплекту, да по шапке. Для службы бережем. А мы пока в походном, в дороге трепать не так жалко, ну и шубные чекмени к зиме, тоже места много занимают.

Рядом нашлись сверток с иглами и нитками, личные мелочи и остатки дорожных харчей: немного колбасы, твердой, на казы или суджук сыровяленый похожей, но с жиром, еще толокон, это как я понял толченое жаренное зерно, пшеничное в основном. Отдельно жареная мука для саломахи. Вяленое мясо, о котором говорил Фомич, доели раньше. За долгий путь из Раздорской запасы изрядно подъели.

— Колбаса подороже мяса, конечно, — заметил Фомич, пока я развязывал мешочки. — Зато с жирком и не портится долго. Порежешь ее в котел, толокона или муки жареной по горсти на брата, вот тебе и саломаха сытная, да и долго варить такое не надо, что в походе шибко удобно.

В маленьком узелке оказалась казачья соль с красным перцем и толченым сухим чесноком. Рядом лежала твердая темная пластинка. Отломил крошку, лизнул и скривился: кислятина, еще и чесноком отдает.

— Пастила сливовая, — пояснил Фомич. — В похлебку крошить. Дома ее с травами разными, да чесночком сушили.

Я удивился, по вкусу напоминало, что-то вроде сухого ткемали. Вес небольшой, а как приправа, наверное, вполне ничего. Я завернул пластинку обратно.

К воде я сводил наших лошадей по очереди. Напившись, они принялись щипать траву возле привязи. Рубаху для перевязки оставил сверху и опустился на землю.

Ноги устали, будто пару вагонов разгрузил, прям как на первом курсе меда, когда подрабатывал грузчиком в девяностые. Сидел, вытянув их перед собой. Фомич устроился рядом, осторожно уложил левую руку на колени. На намотанной тряпке темнела кровь.

— Данила, давай тебе голову перевяжем, — сказал Кондрат. — Наклонись-ка малость.

Я подался к нему. Он правой рукой раздвинул волосы на затылке, осторожно потрогал припухлость, отчего я непроизвольно зашипел.

— Шишка какая добрая, но, спаси Христос, крови не видать.

— Тогда и обматывать пока незачем. Лишь от резких движений меня мутит, вот и буду потише.

Сам ощупал место ушиба. Что творилось внутри черепа, пальцами так не выяснишь. Кондрат помог оттянуть ворот рубахи, разглядел шею и пятно на груди.

— Ну и досталося тебе, Даня…

Я провел ладонью по груди, попробовал вдохнуть глубже. Больно. Обождал, пока отпустит. Пока сидел, мог разговаривать и понемногу что-то делать, но легче от этого не становилось.

Занялся рукой Фомича. К краям тряпки налипла грязь. Присохшую ткань отдирать не стал.

— Пальцами пошевели. Здесь чувствуешь? А тут? Где больнее всего?

Кондрат согнул пальцы, подтвердил, что прикосновения чувствует, и показал возле края раны.

— Вот туточки, кажись, колет.

Мог обломок остаться, но это только догадка.

В Машкиной поклаже нашлись маленький котелок литра на три и огниво. Трофейную рубаху Фомич придерживал, пока я отрезал полосу нужного размера.

— Воду вскипятить надо.

— Дымом нас выдашь, Даня.

— Маленький огонь сделаю, только воду нагреть.

Кондрат выбрал место пониже в ложбине, подальше от сухой травы. Я набрал сухого хвороста, с его подсказками разжег костер в ямке, благо, что пользоваться огнивом меня мой товарищ по охоте научил уже давно. Фомич следил за кустами, пока я возился с котелком. От наклонов опять заболела грудь; пришлось распрямиться и переждать чутка.

Котелок отмыл, полотно прополоскал и прокипятил. Кипячение не давало стерильности. Но класть на рану полотно без этого я не собирался. Воду для раны вскипятил отдельно и отставил остывать. Дров больше не подбрасывал.

Пока ждал, съел кусок хлеба, глотнул из фляги. Пальцы дрожали уже меньше.

— Откуда ты про раны-то столько знаешь? — спросил Кондрат.

— Сейчас грязь уберем и посмотрим, что там тебе колет. — Я пожал плечами: мол, не помню.

Он не отвел глаз, но переспрашивать не стал.

Я погасил огонь и вымыл руки. На свернутую одежду уложил его предплечье, придвинул остывшую воду и полотно. Нож, которым резал ткань, оставил сбоку. В рану им ползти пока не собирался.

— Больно будет, Фомич. Если пальцы занемеют или боль переменится, сразу говори.

— Давай уж, — согласился он, все еще внимательно глядя на меня.

Смочил присохшую тряпицу, выждал чуть и осторожно снял. Стал промывать рану остывшей водой. Кондрат заскрипел зубами и вдруг дернул локтем. Я отдернул руки.

— Погоди, отдышись.

Он сглотнул и сам вернул предплечье на место. Я продолжил теперь уже медленнее. Когда смыл грязь и сгустки крови, неровные края стало видно лучше. Но отчего так ему кололо, пока не разобрался. Лезть туда ножом вслепую не хотелось.

Вспомнил шею француза. Тогда получилось почти в последний момент и в стрессе. Теперь бы вернуть то ощущение, только ничего не перерезать, а то…

Приложил правый указательный палец к коже рядом с раной. Устроил локоть поудобнее, перестал давить, попробовал сосредоточиться и…

Отозвалось. Будто к пальцу добавился короткий невидимый кончик, которым можно было что-то нащупать. Ну и хорошо. Щупом тогда этот дар или проклятие и будем звать.

Удерживал руку неподвижно, следил за лицом Фомича. Тот хмурился, но новой боли вроде не почувствовал. Осторожно направил Щуп к краю раны и наткнулся на что-то твердое.

Здесь, со стороны ладони и ближе к локтевому краю предплечья, под фасцией лежал локтевой сгибатель кисти. До кости я не добирался, а твердый участок ощущался поверх мышцы. По одной твердости природу не определишь. Анатомия подсказывала, где искать и куда не лезть. Нерв или сосуд задеть - раз плюнуть.

Убрал палец, и ощущение Щупа пропало. Может, все-таки сам себе напридумывал? Коснулся снова, без нажима, и опять нашел тот же твердый участок. Всего одну точку; остальная рука оставалась для меня такой же, как прежде.

Щуп подсказал, куда смотреть. Чуть изменив положение края раны, разглядел темный кончик. Деревянный обломок лежал неглубоко, косо под краем, оттого сразу его и не углядел.

Отнял указательный палец. Захватил выступавший конец и медленно извлек. Фомич шумно выдохнул. На ткани осталась узкая щепка с размочаленным кончиком, не особо большая.

— Вот что кололо, дядька. — Я поднес ее поближе.

Кондрат глянул на щепку, потом на свою руку. Я снова осмотрел рану. Больше ничего постороннего не видел, но за оставшиеся там крошки не поручился бы. И речную грязь мы отсюда всю до последней не вымыли.

Указательный палец чуть задрожал. Я распрямил его, опять согнул, но легкая дрожь не пропала. Кровь к вискам прилила сильнее, удерживать внимание стало трудно. Хотел еще раз проверить край, но остановился. Хорош! После двух коротких проб меня заметно повело. Значит, и за Щуп приходилось платить, хотя сколько тут от него, а сколько от моих ушибов, пока не понять.

Посидел, опустив руки. Потом закончил промывку, дождался, пока из раны перестало сочиться, и наложил подготовленное прокипяченное полотно. Края раны стягивать не стал. Повязку закрепил, проверил пальцы: все так же теплые, прикосновения Фомич чувствует, ну и слава Богу!

Из оставшейся части трофейной рубахи устроил перевязь через шею, уложил в нее предплечье. Кондрат осторожно повел кистью.

— Ну как?

— Ноет. Только как раньше уже не колет так. Терпимо, Даня, спаси тебя Христос!

— Береги руку, Фомич. Позже еще посмотрю. Если сильнее заболит, не терпи молча.

Он поправил перевязь здоровой рукой, снова посмотрел на извлеченную деревяшку.

— А говорил, ничего не помнишь.

— Я и объясниться толком не могу, Кондратий Фомич. — Пожал плечами.

— Добре. — Он помолчал. — Скажешь, когда опять перевязать надо.

Сложил использованные тряпки отдельно от оставшегося чистого полотна, отставил котелок. Прислонился спиной к дереву и закрыл глаза.

— Попей, Даня. Теперь и посидеть малость можно. — Он протянул мне трофейную флягу с водой.

Попил и снова откинулся к стволу. Позже по очереди переоделись в сухие запасные рубахи и исподнее. Фомичу я помог, осторожно проведя больную руку в рукав и поправив перевязь. Мокрое белье развесили, походную верхнюю одежду разложили на кустах просушиться. Парадное убрали обратно во вьюк. Фомич залил кипятком пару горстей толкокона, и мы смолотили его с хлебом и сыром. И я задремал. Проснулся от собственного неловкого движения.

Кондрат сидел рядом, поглядывая то на меня, то в сторону колеи.

— Полдень скоро. Очухался малость?

— Вроде того. Пока не дергаюсь, все путем.

Фомич велел подать ружья и патронные сумы. Бумажные патроны с отсыревшей оберткой отложил отдельно. Пока я придерживал одно ружье, он осмотрел замок, проверил крепление кремня и ствол. Все делал правой рукой, левую берег в перевязи.

— Это надо зарядить.

Покажи, как, Фомич. Я не помню ничего, словно не видал ни разу.

— Сам ведь заряжал, и много раз. Ну коли забыл, напомню, не впервой тебя учить.

Курок с зажатым кремнем, огниво, полка… Я переспрашивал, трогал детали, старался все запомнить. Огниво тут служило еще и крышкой полки. Дальше я делал все сам, под его руководством.

Надкусил бумагу патрона, отсыпал порох на полку и закрыл её. Остальной порох высыпал в ствол, следом отправил пулю с бумагой. Прибил заряд шомполом. Для меня этот длинный прут был внове; я уже потянулся вернуть ружьё, когда Фомич остановил…

— А шомпол на место кто уберет?

Черт. Свой ИЖ-27 я пятнадцать лет таскал по тайге под Киренском. Там все просто: переломил двустволку, сменил патроны — и готово.

Кондрат все проверил, оставил курок на предохранительном взводе и положил заряженное ружье рядом. Второе отставил к поклаже.

— Надо бы вызнать, где Денисов теперь, — сказал он. — Людей бы каких сыскать.

— Старым вестям я бы уже не доверял.

— Дык нам хоть какие бы тепереча.

Впереди Бородино, сожженная Москва, разгром Наполеона. Потом казаки в Париже. Но точных деталей, признаться, в голове совсем кот наплакал. И что толку от этих обрывочных знаний, если не представляю, кто за ближайшим поворотом? Нам бы этот день пережить и до своих добраться, а там видно будет.

Фомич вдруг повернул голову. Я тоже прислушался. Скрипели колеса. Со стороны колеи донеслись голоса, короткий хохот, потом женский вскрик и резкий окрик на французском.

Натянули подсохшие походные чекмени, как назвал их Фомич. Кондрат взял ружье правой рукой. Лошадей оставили и двинули вдоль кустов. На склоне я подхватил его под здоровый локоть; сам переждал дурноту, держась за ветку. Пригнувшись, добрались до густого орешника и сели за ним.

По колее от полей тянулись две подводы с мешками и охапками сена. На каждой сидел француз с вожжами. Еще трое шли пешком: темно-синие мундиры, белые ремни крестом, высокие кивера. На одном кивере темнел чехол. У пеших ружья были в руках, у сидевших лежали рядом на поклаже.

— Пятеро, — едва слышно сказал Фомич, разглядывая их.

За первой подводой шел бородатый мужик в серой суконной одежде, перехваченной поясом. Рядом две молодые женщины, лет по двадцать с небольшим: платки, светлые рубахи, длинные юбки. Позади тащился парень с огромным узлом за плечами. Местные, наверное.

Одна женщина отстала. Солдат толкнул ее меж лопаток, заставив прибавить шаг. Похоже, забрали и подводы, и припасы, и хозяев на кой-то потащили с собой.

Задняя телега накренилась: колесо село в разбитую колею. Сидевший на ней махнул парню. Тот сбросил узел, уперся плечом в задок. Мужик навалился рядом. Лошадь потянула, парень переступил, и его стопа подвернулась. Он вскрикнул, упав в колею.

Попробовал подняться, опираясь на ладони, но стоило подтянуть ногу, как снова осел.

Замыкающий схватил его за ворот.

— Debout! (Вставай!)

Парень мотал головой, показывал на ногу. Кажется, слов он понимал не больше моего. Француз отпустил ворот и ударил прикладом в плечо. Раздался глухой стук. Парень завалился набок, прикрыв голову руками.

К нему кинулась женщина. Солдат оттолкнул ее так, что она едва удержалась на ногах.

— Poussez, fainéants! (Толкайте, бездельники!) — заорал сидевший на подводе.

Двое других пеших французов закинули ружья на ремнях за спины, взялись за телегу вместе с мужиком. Колесо вылезло из колеи и подвода покатилась дальше. Женщина снова потянулась к лежащему, но ее схватили за руку и поволокли следом. Она постоянно оглядывалась. Кем ей приходился этот парень, я не понял.

Один француз все же остался над ним, держа ружье в руках, а остальные двинулись к большой дороге.

Я подался вперед. Фомич опустил ружье на колени и правой рукой ухватил меня за рукав.

— Погоди. Ведь и нас, и их перестреляют. — Кивнул он на солдат у подвод.

Те были недалеко. Одно заряженное ружье у нас, да и мы оба раненые. Щуп тут мне не помощник, потому я тиснул зубы и заставил себя сесть обратно.

Парень шевельнулся. Живой, значит. Вот только бы еще и этот лягушатник свалил… Я уже искал промежуток между кустами, через который смогу выбраться к парню. Четверка солдат и местные удалялась, а бедолаге самому сейчас не выкарабкаться.

Тут он повернул голову. Посмотрел прямо на меня, замер и приподнял руку.

Француз заметил этот жест и обернулся вслед за его взглядом — к нашим кустам.

Глава 3. Мимо не пройти

Вот же черт! Я пригнулся, стараясь не задеть ветви. Кондрат тоже опустил голову; ружье осталось лежать поперек его коленей.

Фомич нащупал под орешником сухую шишку. Правой рукой он метнул ее низом вдоль канавы, за спину французу. Шишка стукнула о корень и зашуршала в прошлогодних листьях. Солдат обернулся на звук. Мы прижались ниже, чтобы он не увидел нас между ветками.

Вот и последняя подвода скрылась за поворотом. Солдат оглянулся ей вслед, что-то буркнул парню. Тот прикрылся рукой, пытаясь отползти от сапога.

Сейчас добьет, сволочь! Я начал привставать, вытягивая саблю. Несколько шагов всего, но, если он штыком ткнет, не успею.

Фомич ухватил меня за пояс. Француз пнул лежащего в голову, и парень окончательно обмяк у канавы. Солдат перехватил ружье и торопливо зашагал догонять камрадов.

— Оглянуться может, — шепнул Кондрат, все еще удерживая меня.

Дождались, пока француз скрылся и затихли его шаги. Только тогда Фомич разжал пальцы. Я задвинул саблю в ножны и выбрался на колею.

Присел возле парня, проверил пульс на шее. Дышит, слава богу!

— Эй, слышишь меня?

В ответ послышался стон. Глаз он не открыл. Водой поить такого пока нельзя.

Кондрат стоял с ружьем в правой руке, поглядывая за поворот. Левая так и лежала в перевязи. Потом он отнес ружье за кусты и вернулся. Я стянул свою куртку. Вдвоем кое-как подложили ее под парня и утянули его с колеи.

До лежки всего-то сотня метров, а останавливались несколько раз. Я тянул за ткань, придерживая голову, Кондрат подхватывал сбоку здоровой правой рукой. Обоим досталось знатно. Особенно на корнях приходилось останавливаться и приподнимать лежащего.

Уложив его на сухом месте, я сел рядом. В затылке мерно отстукивало. Кондрат вернулся за ружьем, принес его и снова стал наблюдать за колеей.

— Слышишь меня, парень? Слышишь, говорю?!

На этот раз он открыл глаза. Я машинально глянул на зрачки — одинаковые, на свет реагируют.

— Как звать тебя?

— Якуб … Голова болит. Воды дай.

Отвечал толково, следил за мной взглядом. Пока не рвало, в забытье не проваливался. Помог приподняться, дал несколько глотков. Глотал нормально, но после такого удара еще всякое вылезти может.

Выговор напоминал польский. Русские слова Якуб подбирал с трудом. Как я понял, он прежде возил припасы нашим солдатам, от них и научился.

— Откуда тебя забрали?

— Двор Боровой. Тут близко.

— Меньше версты?

Он кивнул, показал тропку. Двор у леса, возле Олькеников. Часть домашних успела спрятаться в леске.

С переспрашиваниями разобрались, кого увезли. Мужик — его отец, Матеуш. Анна, которая бросалась к парню, — сестра, двадцати двух лет. Марья — соседка, ей около двадцати пяти.

— Подводы ваши?

Он не понял. Я указал на колею:

— Телеги. Ваши спрашиваю?

— Да, наши они.

Французы пришли утром. Забрали зерно, сено, еду; мужчин заставили грузить. Женщины тоже таскали мешки, а потом их не отпустили.

— Анну хватал. Тут… — Якуб ткнул себя в грудь и отвернулся.

— Кого-нибудь убили?

— Не видел. Отца били. Меня били.

Вспомнил, как женщина оглядывалась до самого поворота. Сестра, значит.

— Фуражиры, видать, — сказал Кондрат. — Харчи да корм коням собирают. Похоже, и впрямь война, Даня.

Я тем временем осмотрел плечо, затем ногу. Голеностоп припух, от прикосновения Якуб зашипел. Явного искривления нет, но перелом это не исключает. Насмотрелся всякого: с виду цело, а на снимке сюрприз. Сейчас надо его хотя бы от новой нагрузки уберечь.

Поддерживая стопу, ослабил теснившую обувь, развернул обмотку. Проверил пульс на стопе — есть. Уже хорошо. Пальцами пошевелить может. Кондрат положил ружье и подал полотно правой рукой.

— Кость-то цела?

— Пока не пойму. Наступать на нее ему нежелательно.

Фомич подобрал несколько подходящих прямых палочек. Я срезал мешавшие сучки и устроил из них шину на стопу и нижнюю треть голени. Подложил полотно, закрепил, проверил, чтобы пальцы не немели. Щупом ни кость, ни голову надежно не проверишь, а сил и без него мало.

Фомич принес еще и крепкую развилку. Я ножом убрал сучки, обмотал верх. С моей помощью Якуб встал, сделал шаг с этой опорой, но скривился от боли в плече. Пришлось усадить его обратно. Далеко так не уйдет, домашних бы позвать.

— Анна назад шла. Ко мне… Я ей хуже сделал, да?

— Ты французов на свой хутор не приводил, Якуб.

— За ней и отцом надо торопиться. Я с вами пойду…

Он потянулся к развилке, но подняться уже не смог.

— Нам до полка надо. — Кондрат посмотрел на меня, вздохнул и поправил перевязь. — Да поскорее.

Фомич поманил меня в сторону.

— В полк баб французам незачем вести. Видал, как их хватают? Пока начальства нет, чего угодно натворить могут, ироды.

— А потом, думаешь, отпустят?

— А бес их знает? Могут и не отпустить.

Вспомнились рассказы про немцев в сорок первом. Похожа ли эта война на Великую Отечественную, можно ли их сравнивать? На моих глазах били Якуба, явно не чай пить потащили беззащитных женщин. Да и нас драгуны резать полезли, не особо мешкая. И что, крестьянок этих заранее списывать, неужели их уже не спасти?

— На пятерых полезем, и нас порешат, да и Якубу этому не поможем, мы с тобой и сами пока… калечные, — вздохнул Фомич, проследив за моим взглядом.

Спорить не стал, прав Бирюков. Сперва передохнуть, собраться, посмотреть, как Якуб оклемается. Где остановятся подводы, мы не знали, а прям сейчас бежать вслед смысла большого нет. Это будет примерно то же самое, что стройными рядами на пулеметы маршировать.

Ехать Фомич собирался к Рудникам: по последним данным там был полк Денисова 7-го. Может, узнаем, там он или куда передислоцировался, но проверять придется издали и осторожно.

Якуб как мог объяснил, где пройти: меж полей, потом развилка у опушки, дальше дорога на Рудники. По моей просьбе все это еще раз повторил. Кондрат кивнул: мол, вроде все так. До Рудников с обходами таким путем насчитал верст двадцать пять — тридцать.

Еще часа два лежали, чутка подкрепились из скудных запасов: к остаткам нашей еды прибавились французские хлеб и сыр. Дремали по очереди, костра не разводили. Я окликал Якуба, тот отвечал связно, его не рвало, но на головную боль жаловался всякий раз.

Перед сборами подложил Якубу травы, забрал куртку, которой его укрывал. Расправляя ткань под перевязью Фомича, спросил, давно ли у него эта куртка.

— Чекмень-то? Дык до льготы ешо, когда в полку служил. Ворот теперь другой уже велят справить. За ними не угонишься, чуть ли не кажный год меняют? — Он ткнул пальцем вверх. — Мы-то сами, за свой кошт шьем, не гвардия, чай. Сукно в полку выдадут, поглядеть дадут, как делать надо — и тому рады, а там кто во что горазд.

Темно-синее сукно выцвело, у скошенного спереди воротника и обшлагов шла красная выпушка. Левый рукав разодран, в крови. Синие шаровары с красными лампасами по бокам уходили в разношенные сапоги.

Мой темно-синий чекмень поновее был и имел немного другой крой. Еще на мне сухая сменная полотняная рубаха и темные широкие перепачканные штаны. Я поправил шерстяные носки — чесанки, как назвал их Фомич, — и натянул сапоги.

Фомич надел черную смушковую шапку с красным суконным донцем. У меня была похожая, только мех чутка посветлее; свою одел, чтобы не давила на затылок. Эти походные, а во вьюках Машки имеются еще и парадные с красным шлыком.

Мы проверили все оружие. Кондратий обо всем рассказывал, понимая, что со мной приключилось. У нас были две наши сабли, два боевых ножа; два трофейных ружья, две патронные сумы, штыки и палаш. Пистоль Фомича после купания пока отложили: им ещё предстояло заняться. Я дважды махнул саблей. Клинок оттягивал руку, уверенного движения не получилось. Но чувствовалось, что рука к сабле привычна, надо только восстанавливать мышечную память. Надеюсь, будет так же, как и с верховой ездой.

— Не маши попусту, Даня. Силы береги.

Первое ружье Фомич проверил, заряда не трогали. Второе я зарядил с его подсказками. Всего у нас осталось тридцать шесть сухих патронов в двух сумах, по заряду в стволах. И еще сырые лежали отдельно.

— Может, стрельнуть разок, вспомнить хоть?

— Успеется, не то еще французов накличешь.

Подсохшее белье снял с веток, свернул отдельно от чистых вещей. Котелок, две фляги, припасы нехитрые и полотно убрал во вьюки на Машке. Якубу оставил немного хлеба и приготовленную деревяшку-костыль, дал вдоволь воды напиться.

— Полежи хоть полдня, не торопись теперь уж. Как голова шуметь перестанет, с палкой этой ковыляй потихоньку на свой хутор, больную ногу подогни, старайся не приступать.

Оставлять его одного не хотелось, но какие у нас варианты? И к тому же хутор его совсем рядом, он местный, не пропадет.

Сел на Баловня, взял повод Машки. Фомич устроился на Звездочке и повел обоих драгунских меринов. Гнедой шел смирно, серого дядька держал подальше от кобылы.

— Данила, смотри в оба. Ежели поворот углядел, махни мне, будем останавливаться и проверять от греха подальше.

Мы тронулись шагом, оставив Якуба в нашей лежке.

На поворотах Машка норовила отстать. Когда она обошла справа, повод зацепился за куст; пришлось осадить своего коня и расцепляться. Фомич переждал, потом пропустил меня вперед, сам замер прислушиваться.

Версты через две-три донеслись голоса и стук. Я остановился, не выезжая из-за поворота. Кондрат показал в сторону. Мы тихо увели коней в кусты и привязали каждого отдельно. До голосов оставалось с сотню метров. Дальше в ту сторону пошли пешком.

На поляне у заросшего спуска к воде стояли знакомые подводы. Те же мешки с припасами, сено. Одна лошадь пила из бадейки, другая щипала траву. Хорошо устроились, сволочи.

Пересчитал солдат. Пятеро, как и раньше. Один что-то сказал, взял ружье и ушел дальше по ответвлению колеи. Мы дождались, пока он скрылся, но далеко ли и надолго ли — было неизвестно.

Матеуша привязали к дереву у передней подводы. Возле него сидели женщины. Анна попыталась встать, но солдат толчком усадил ее обратно на пятую точку. Его я узнал: Якуба в голову пинал именно этот ублюдок.

Другой отошел к лесу, чуть скрылся за кустами, прислонил ружье к стволу и, видать, стал расстегивать штаны. Возле Матеуша остались двое, у одного ружье в руках. Еще два ружья торчали с борта передней подводы.

Тот, что бил Якуба, рывком поднял Анну, полез к завязкам на груди. Она отмахнулась, пытаясь ударить его по руке, закричала:

— Тату!

Матеуш дернулся в веревке. Француз с ружьем приложил его прикладом, несильно, скорее показывая, что будет, если не угомонится; его сосед засмеялся:

— Jean, fais vite! Après, c'est mon tour! (Жан, поторопись! После тебя мой черёд!)

— Они ее сейчас… — шепнул я.

Фомич уже смотрел на того, кто отошел справлять нужду.

— Всех разом не осилим. А так, по одному, попробовать можно. Вон с того и начнем. Я за тобой.

Оставили ружья за орешником. Стрелки из нас пока аховые: один однорукий, а второй никогда из такой фузеи и не стрелял. Да и пробираться по кустам с длинным стволом несподручно. Фомичу свободная рука пригодится для сабли. Если придется отступать, сюда и вернемся, можно будет попробовать пальнуть по погоне.

Я вытащил свой боевой нож. Прямой клинок, шириной примерно, как у сабли, тёмная деревянная рукоять, крепко сидит в ладони. Нож взял в правую руку, саблю пока оставил в ножнах.

— С ножом мне сейчас сподручнее, Фомич. С саблей пока не очень дружу, — ответил я на вопросительный взгляд дядьки.

Еще со службы в Чечне привык следить, успевает ли за мной напарник. Так и тут краем глаза поглядывал на Фомича: он был рядом, сабля в правой руке. Тут чутка качнуло, голову повело опять. Я остановился, оперся на ствол. Кондрат тоже замер. Глубокий вдох, выдох, потом еще два раза. Кивнул дядьке.

Первый француз стоял за кустами, с поляны, кажись, его не видели. Я сжал нож и шагнул к нему.

Он заметил меня, когда я уже вышел из-за куста, но было поздно. Пока разворачивался, я сделал шаг и ударил ножом в бок, целя в печень. Эта собака вскинула руки, которыми удерживала портки, и я грудью налетел на его оттопыренный локоть. Меня качнуло; француз потянулся было к ружью у дерева, хватая ртом воздух. Видать, хотел заорать, но успел лишь сипло вскрикнуть.

Справа мелькнула сабля Фомича, оставив страшную рану от шеи до груди. Этого солдату хватило, готов! Он рухнул на колени, и под ним хрустнула ветка. Вскрик оборвался, но мне показалось, что его слышали и за версту.

Мы замерли как вкопанные. С поляны донесся женский крик, следом брань. К нам пока никто не шел. Видать, еще не поняли.

Вытащил нож и вытер о мундир. Ружье отволок за куст и прислонился плечом к дереву. Грудина от удара локтем опять напомнила о себе, сперва даже вдохнуть полностью не выходило. Фомич смотрел на поляну и ждал. Тело осталось под нашими ногами. Один. Здесь еще трое, и пятый где-то ходит-бродит, ни дна ему ни покрышки!

Анна упиралась каблуками в землю, а Жан, если я правильно расслышал, уже потянул ее за руку. Свободной ладонью она зажимала порванную на груди рубаху. Солдат дернул ее, чуть не свалив на землю. Он стал затаскивать ее в кусты, видимо, не хотел делать все прилюдно. А нам, чтобы до него добраться незаметно для остальных, пришлось обогнуть заросли.

Пока мы, пригнувшись, двигались, послышались вскрики девушки и два удара — по звуку крепкие такие пощечины. И вот показалась спина лягушатника.

Фомич показал мне рукой: мол, я сам, — и шагнул вперед, готовясь рубануть супостата.

Но тот каким-то звериным чутьем, не иначе, почувствовал опасность и схватил Фомича за правое запястье, не дав завершить секущий удар. Кондрат подался назад, вырвал руку и все-таки рубанул. Солдат упал, попытался приподняться. Фомич сделал контроль, полоснув того кончиком клинка по шее. Лишь когда француз затих, Кондрат выдохнул и плечом поправил съехавшую перевязь.

Я подхватил поднимающуюся Анну за плечо. Она шарахнулась, пытаясь отползти, раскрыла было рот. Но я успел прикрыть его левой ладонью:

— Тихо. Якуб жив. Мы от него.

Она замерла, глядя мне в лицо, кажется, понимая. Я тут же убрал руку, отвел нож в сторону.

Анна пыталась запахнуть порванную на груди рубаху, одернула юбку. Я повернулся к поляне, дав ей поправить одежду.

— Где Якуб?

— У тропы к вашему двору, там примерно, где и свалился, он жив. Нога повреждена. Как доедете, заберите его на хутор, оклемается парень.

Она вцепилась в мой рукав:

— Там отец. Марья… Я не уйду без них.

— Мы знаем. Пока стой здесь.

Увел ее за ствол толстого дуба, на закрытую от поляны сторону. Отсюда ни Матеуша, ни Марьи с французами видно не было.

— Жди, пока позову.

Фомич уже высматривал пару оставшихся. Тот, что стоял с ружьем, повернул голову к лесу.

— Jean! (Жан!)

Мы молчали. Второй тоже подхватил свое ружье с повозки. Первый наотмашь влепил пощечину Марье и шагнул к нам.

Француз быстро двинул вдоль кустов и увидел лежащего Жана. Фомич не стал пятиться к дубу, за которым пряталась Анна, а выступил навстречу. Солдат вскинул голову, заорал и бросился на него, выставив штык.

Ружье у него было подлиннее наших драгунских, со штыком совсем на копье походило. Не заряжено, видать, раз не стреляет? Кондрат бросил на меня взгляд и пошел навстречу противнику.

Второй у передней подводы возился со своим ружьем, зарядить пытался. Шагов двадцать пять до него. Если успеет, схлопочу пулю, ну или Фомич. От свинца я уворачиваться не умею.

Рванул к нему. Грудь отозвалась на первом же шаге, воздуха не хватало. Но останавливаться нельзя. Француз выдернул шомпол; увидев меня, бросил его и перехватил ружье с примкнутым штыком. Он оскалился и подался вперед.

За пять шагов я притормозил. Лезть на такое копье с саблей, которой толком не владею, дураков нет, а с ножом и подавно. Перехватил нож, замахнулся, но не метнул. Француз дернулся в сторону, вот туда и отправил его.

Такой обманке меня учил еще сержант Круглов — в девяносто четвертом.

Нож хорошо так вошел в плечо. Француз вскрикнул, выпустил приклад из правой руки и схватился за рукоять. Ружье повисло в левой. Вот сейчас, пора!

Выдернул саблю, подскочил и нанес удар, но тот успел довернуть свой карамультук. Клинок угодил в цевье. Кисть прострелило болью. Черт!

Француз снова ухватил ружье обеими руками, отмахнулся им от меня. Я отшатнулся, сунулся вперед и рубанул. Он начал оседать, я ударил еще раз. Теперь точно готов!

Уперся спиной в повозку, продолжая сжимать рукоять. Надо учиться, иначе в следующий раз прирежут. Никакая память из будущего и Щуп тут не спасут.

Только теперь глянул на Фомича. Его противник оттянул ружье и снова ткнул казака. Кондрат шагнул в сторону, пропустил штык мимо и ответил коротким ударом. Француз упал. Левая рука Фомича так и оставалась прижатой к телу.

Стало тихо. Я ждал, что кто-то еще поднимется. Или выстрелит.

Ближайшие двое больше не шевелились. Фомич заглянул за кусты к первым двум, вернулся, покачал головой: с теми тоже все. Но пятый-то ушел живым…

Забрал нож, вытер лезвие о мундир. Осмотрел саблю: клинок в порядке.

Марья сидела у колеса, дрожа всем телом.

— Анна! — позвал Матеуш.

Она выглянула из-за дуба.

— Цел? — спросил Фомич.

— Угу. Тебя не зацепили?

— Да не, токмо руку растрясло.

На повязке свежей крови не заметил, перевязь тоже держалась. У меня самого руки немного потряхивало, отходняк, видимо.

— Ножом ты его так?

— Свезло, Фомич. Сначала ножом, потому уж саблей достал, сам видел, что я едва не напортачил.

Он задержал на мне взгляд, потом повернулся к дороге.

Анна подбежала к отцу. Я протянул ей нож рукоятью вперед, а сам следил за дорогой, привалившись к повозке. Она перерезала веревку, и Матеуш, высвободив руки, обнял дочь. Потом он посмотрел на дорогу и на нас:

— Благодарствую, люди добрые, поспешать надо!

Я оттолкнулся от борта и выпрямился.

Марья держалась за край повозки. Анна спросила о брате, и я объяснил, где оставили Якуба, попросил приглядеть, чтобы не наступал на больную ногу.

— Если ушел, ищите на тропе к вашему хутору.

Матеуш закивал: мол, место знает, заберет сына.

Я глянул на его запястья, потертые веревкой. У женщин на руках краснели следы пальцев. Анна, заметив мой взгляд, отдернула рукав. Ладно, не буду лезть. Что под одеждой, мне не видно, но держатся вроде, значит, сами справляются.

Про пятого Матеуш объяснял больше жестами: ушел к большой дороге, велел ждать. Куда дальше, не знает. На вопрос почему надолго остановились тут, он объяснил, что пока солдаты ели, его заставили возиться с расшатавшимся колесом. Матеуш принялся снова благодарить нас.

— Все потом, лошадей запрягайте, — перебил Фомич.

Анна вернула мне нож, и они втроем подвели лошадей к подводам. Я помог протянуть застрявший ремень и отошел отдышаться. Марья уже сама занималась второй упряжью.

Кондрат убрал саблю, сходил за нашими ружьями. Я вывел Баловня, привязал у подводы, вернулся за Машкой и обоими драгунскими. Отвязал Звездочку; на голос Фомича она потянулась сама. Ружья приторочили у седел.

Из французских патронных сум Кондрат отобрал двадцать четыре годных патрона и переложил их в наши сумы. Из одного ранца я взял кусок полотна для перевязок и сверток с двумя иглами и нитками, убрал их к нашим, сгодятся. В кошельке одного солдата нашел серебряную монету. Наполеон в венке, на обороте «5 FRANCS», внизу — 1811. Сунул в свой кошелек.

Матеуш протянул хлеб и сыр. Я отмахнулся, но он продолжал держать.

— Бери, Даня, — сказал Фомич.

Две ковриги, сыр и кусок соленого сала убрал в дорожную сумку. Вместе с тем, что оставалось у нас, дня на три двоим, если поберечь. Остальные припасы оставили хозяевам.

Пока женщины держали лошадей, Матеуш стаскивал убитых в неглубокий овраг у спуска. Прикрыл сучьями, убрал туда же четыре ружья и ранцы французов. Фомич уже дважды поторопил его. Кровь с травы все равно никуда не денешь.

Перед отъездом Матеуш показал сухой объезд к Рудникам; дальше ближайшей развилки не ручался.

— Нужда будет — приходите, — сказал он и показал в лес.

Там у него избушка, в ней он собирается укрыться с семьей. От хутора тропой вдоль ручья до раздвоенной сосны, за ней вправо, на сухой бугор.

Я повторил, он кивнул. Надеюсь, правильно запомнил.

— Якуба мы заберём, — сказала Анна, забираясь на подводу к отцу.

— Он у лесной тропы. Заберите его скорее, пока сам не попытался идти с больной ногой.

Матеуш кивнул и повернул лошадь к лесу. Марья правила второй подводой. Я дождался, пока обе телеги свернули с колеи: отец ехал за сыном, и женщины были свободны. Сами мы не могли ждать, пока они доберутся до Якуба. Сели верхом и двинулись прочь от дороги.

Первую остановку сделали уже через час или около того. Я слез, сел и долго пил мелкими глотками. Съели по куску хлеба с засохшим сыром и дали передохнуть коням. Баловню я ослабил подпругу, провел ладонью под седлом, проверяя, не натер ли. Фомич показал, где потник сбился. Расправил складку, почесал коня под гривой. Тот потянулся ко мне губами, будто ища угощение. Протянул ему небольшую сухую горбушку, оставленную в кармане на такой случай.

Когда снова тронулись, старался сидеть прямо. Получалось плохо: при каждом шаге отдавало в грудь, и плечи сами поднимались.

— Не зажимайся, Даня. Ослабни в седле, не то всего растрясет, сотрешь еще задницу, не дай то Бог... Ты шибко не переживай, скоро привыкнешь, да и Баловня слушай, он у тебя ученый, подскажет!

Я отпустил плечи, и чуть полегчало.

Сухая колея вилась между соснами. Под копытами светлел песок, потом деревья расступились, и впереди показалось сырое место, поросшее ольхой. В застарелых колеях от колес стояла черная вода. Туда не полезли, обошли по краю леса, потеряли колею, но нашли другую. Машка норовила остановиться и хватануть травы. Приходилось ждать.

На развилке Кондрат долго смотрел то на солнце, то на следы.

— Нам сюда? — спросил я.

— По направлению вроде бы так. Токмо куда выведет, не скажу.

Попробовали. За деревьями снова показались поля, дальше широкая дорога. До нее не доехали: Фомич поднял руку. А потом и я услышал стук копыт.

Свернули за кусты и придержали коней. Всадники прошли мимо, мелькая в просветах. Кто такие, сколько их, я толком не разобрал. Фомич и после того, как стук затих, не сразу разрешил выехать, пришлось ждать.

Солнце опускалось, а Рудников все не было. Еще останавливались у воды, поили коней, отдыхали сами. С каждым разом слезать с седла становилось труднее. Затылок ныл, во рту быстро пересыхало. На передышке попросил Фомича показать руку.

Повязка держалась и кровь не шла. Пальцы припухли; он пошевелил ими по моей просьбе и поморщился.

— Ноет?

— А то.

Поправил перевязь, чтобы рука удобнее лежала, больше ничего трогать не стал. Сам пока ехать могу, и на том спасибо. Снова сегодня так поскакать с ножом — вряд ли получится.

Кондрат смотрел, как я устраиваюсь у ствола.

— Мне Федор тебя привезти велел, так что ты не норови опрометью в любую замятню влезать.

— Знаю. И тебя, Фомич, живым довезти надо, — подмигнул я ему.

Он кивнул и потянулся за флягой.

На пустую колею я оглянулся уже перед отъездом. Хотелось верить, что Матеуш нашел сына и теперь Якубу не придется одному ковылять домой. А у нас целью были Рудники, где когда-то стоял полк брата.

Дальше ехали молча. Нижние ветви сосен потемнели, солнце скрылось. Над открытыми местами еще держался свет; под деревьями приходилось всматриваться в дорогу, чтобы не завести коня в какую рытвину.

Потом над лесом показался дым. Несколько столбов, в разных местах. Я обрадовался, надеясь, что наконец-то добрались. Фомич же остановился и прислушался. До нас донесся скрип колес, крик, лошадиное ржание. Голосов было много, очень много!

Он повел в сторону от дороги. В кустах под невысоким бугром привязали коней. Ружья оставили у седел; сквозь ветки с ними не полезли. Пригибаясь, мы поднялись к опушке.

За деревьями виднелись крыши. Ближе, на открытом месте, горели костры. Люди сидели вокруг них, ходили между повозками. В огне чернели закопченные котлы, за спинами солдат торчали низкие навесы из веток. Дальше белели два полотняных ската; палатки, похоже. Кто там расположился, отсюда не понять, видать, офицеры.

Я перевел взгляд на множество коней на привязи, на поставленные пирамидами ружья. У ближайшего костра поднялся солдат, и на темном мундире ясно виднелись белые перевязи.

— Французы, — сказал Фомич.

На дороге перед стоянкой ходил часовой. Пока мы смотрели, к нему подошло несколько солдат, задержались ненадолго и двинулись дальше, вдоль края лагеря.

— Рудники?

— Они, — вздохнул Фомич.

Я еще поискал глазами казаков, мохнатые папахи, но ничего. Только эти люди у огня, а за ними еще и еще. Мы шли сюда к брату. Можно было бы справиться про Федора, отдохнуть, получить помощь.

Но полка Денисова 7-го тут нет. Вполне мог уйти, кто знает, что довелось пережить им в первые дни войны.

Фомич долго молчал, потом подался ближе ко мне:

— Да, Данила… Вот и война пришла на нашу землю.

Глава 4. Память тела

У ближайшего к нам костра кто-то засмеялся, послышалась французская речь. Я отвернулся. Отдохнем у брата, ага. Теперь бы самим под раздачу не попасть.

От края отползли, потом спустились к коням. Звездочка потянулась к Фомичу, тот придержал ее за уздечку.

— Куда теперь?

— Хоть бы разъезд наших сыскать. Там уж спросим, куда полк Денисова ушел.

Я прислонился к боку Баловня.

— Сперва поспать бы, Фомич. Я из седла чуть не валился, ты гляди, как с рукой маешься. Далеко мы так уйдем?

— А Федору я что скажу? Велел же тебя доставить…

— До него еще добраться надо, сам видишь, что творится. Федор, когда письмо отправлял, и близко не знал, что война начнется.

— От лагеря отойдем подальше. — Кондрат помолчал, глядя на свою перевязь. — Тут оставаться нельзя.

— Может, к Матеушу тогда? Он звал.

— Назад столько же верст отмахать? Да еще и в ночи?

Я вздохнул. Всю дорогу повторить сейчас сил у нас не хватит. Сегодня гостеприимством семьи Матеуша не воспользуемся. А утром поищем место получше: нам бы день-два отлежаться, а там и за поиски полка приниматься.

Отвязали коней, Фомич повел Звездочку назад, я взял Баловня и Машку. Драгунских вывели следом. Некоторое время шли знакомой колеей, потом Кондрат свернул меж соснами. Прежде чем вести Звездочку, пробовал ногой землю. Впереди темнела низина, сыро тут; туда не полезли, забрали выше.

Остановились среди густого подлеска. Земля под ногами сухая. Из вражеского лагеря сюда уже не доносились голоса, но мы все одно старались не шуметь.

Коней привязали, я снял седла с верховых, стащил поклажу с Машки, отдышался, опираясь на ствол. Фомич велел огня не разводить. Пожевали молча хлеба с салом. Одно ружье он положил возле себя, второе я устроил рядом со своей лежкой.

— Ложись, Даня, спи. Опосля разбужу, меня сменишь.

Уговаривать меня было не нужно. Об этом я мечтал, наверное, с того самого момента, как схлынул адреналин после утреннего боя с драгунами. Улегся на бок, подложил под голову свернутую сумку. Сквозь ветки едва проглядывали небо и несколько звезд. Завтра надо найти стоянку понадежнее. С этой мыслью и уснул.

К утру я успел и посторожить, и еще поспать. Поднимался со стоном: грудь ныла, шея затекла. Зато в голове уже не так шумело. Фомич обошел нашу лежку, присел над примятой травой.

— Наши следы. Других не видать.

Французов мы не слышали, но задерживаться здесь не стали. Оседлали Баловня, Звездочку, навьючили Машку и тронулись. Серого и гнедого повели следом без седла. Фомич выбирал проходы на юго-восток, обходя дороги. Сырые низины заставляли сворачивать; я запоминал развилки, раздвоенную березу, сосну со сломанной верхушкой. Думаю, смогу пройти и в обратном направлении, если понадобится.

Через несколько верст попались старые пни, небольшая вырубка, а за ними колея. По ней вышли к ручью. Выше по склону между стволами темнела бревенчатая избушка, а сбоку тянулась полоса высокой травы.

— Косили тут, видать, раньше, — сказал Фомич.

Он обошел постройку, заглянул за угол и поманил меня. Привязав лошадей, я подошел к двери. Внутри пахло сыростью. Земляной пол, лавка, лежанка из жердей. В очаге старая зола, поверх нее натасканные мышами сухие стебли. Сквозь щели в крыше проходил свет.

— Давно пустует. Может статься, что с зимы никого не бывало тут. — Фомич оглядел закопченные бревна. — Лес тут рубили, вот и ночевали, да сено заготавливали, но для него еще рано.

Ну хоть крыша есть. Воду нашли, коням травы хватит, можно вещи просушить. Только колея вела прямо к двери, а дым над деревьями могли заметить издали.

За избушкой проверили проход между соснами: сухо, лошадей провести можно и, если что, споро уйти.

— На два дня останемся? — спросил я.

— Коли супостат какой не явится. Огонь большой разводить нельзя, чем меньше дыма, тем лучше.

Пока он смотрел за колеей, я снял с Машки поклажу, потом седла с верховых. Тяжелые вьюки удалось стащить только со второго раза. Коней устроили на краю покоса; Фомич показал, куда их перевести лошадей, когда те объедят траву. Затем я остался приглядывать, а он разбирал общую поклажу, откладывая наши скудные припасы.

Хлеба заметно убыло, сыр подсох. Сало тоже не бесконечное. Толокона оставалось три-четыре горсти, в мешочке с крупой тоже не густо. Сухари еще трофейные, которые Фомич растолок, но и на них долго не протянешь.

— У Матеуша побольше взять надо было, — сказал я.

— Угу, задним умом все думать горазды… Теперь беречь будем. На два дня-то растянем, а потом кукиш с маслом останется. Надо бы нам харчами разжиться …

Сидя у двери, я очистил саблю и свой боевой нож, проверил ножны. Фомич занялся пистолем. Я придерживал оружие, пока он здоровой рукой убирал грязь и влагу. Кремень шатался; казак поправил его крепление, протер замок и оставил пистоль сохнуть.

На лежанке он устроился боком. Я подпихнул ему под спину свернутый чекмень.

— Так полегче?

— Угу, спаси Христос, Даня! Через часок подыми меня! — сказал он и прикрыл глаза. Я уселся у двери: теперь моя очередь смотреть за колеей.

Разбудил я Фомича, когда солнце поднялось над крышей. Дело шло уже к полудню, пожалуй. Он посидел, поморгал и перебрался ближе к двери, чтобы наблюдать за дорогой.

Я отмыл котелок, принес воды и развел в очаге небольшой огонь. Дым поначалу потянулся к двери, но потом огонь разгорелся, и тяга пошла как надо. Вскипятил воду и отставил котелок остывать. Фомич следил за мной от двери.

— Опять руку мыть будешь?

— И руку тоже, но сперва во фляги налью для питья.

— Эка невидаль, воду для питья варить. В ручье-то она чистая! Вина бы туда плеснуть, чтоб животом не маяться, это да.... У нас в полку и водкой сдабривали, а дома, на Дону, вином в основном.

— С виду только чистая, Фомич, а что выше по ручью в нее попало, мы не знаем. Вино или водка конечно помогают, но не до конца. А вот если возможность есть вскипятить, то это куда лучше…

Он покачал головой, но спорить не стал. Когда вода остыла, я сполоснул фляги и наполнил их. Потом занялся перевязочным материалом. Грязные тряпки сложил отдельно, надо будет состирнуть. Те, которые планировал использовать на перевязку руки Фомича, опять прокипятил.

Мылись по очереди возле избушки, поливая из котелка. Засохшая кровь плохо отмывалась, воду пришлось таскать и греть несколько раз. Волосы и вовсе разбирал пальцами, осторожно обходя шишку на затылке.

— Дай погляжу. — Фомич раздвинул пряди здоровой рукой. — Эка, вздулося крепко, но кожа вроде цела.

Я наклонился, а когда выпрямлялся, грудь опять прострелило болью. Сегодня мутило меньше вчерашнего, но списывать все на усталость нельзя. В грудную клетку мне знатно прилетело; по ощущениям, похоже, ребро наджабил. Вчера еще и с саблей бегал, идиот отмороженный. Возможно, это возраст Дани так на меня влияет. Хотя чего греха таить, в прошлой жизни было примерно так же, разве что декорации вокруг другие.

— Теперь твою руку давай, — сказал я Фомичу, отогнав размышления на тему «Как я докатился до жизни такой…».

Присохшую повязку сначала размачивал и снимал понемногу. Пальцы на этой руке оставались припухшими, но цвет уже нормальный. Сгибать их Фомич мог и прикосновения чувствовал. Боль, по его словам, прежняя, разве самую малость полегче. Рана выглядела примерно, как вчера. Главное, что хуже не стало.

— Если сильнее заболит, краснота поползет или знобить начнет, сразу говори. Тогда уже решать будем, где искать помощь.

— Угу, коли заболит, то до лагеря съездим и у французов лекаря найдем, — хохотнул он.

Смыл то, что легко отходило, прикрыл рану подготовленным полотном, устроил перевязь, проверил, не давит ли.

После грязной работы снова вымыл котелок. Сперва выстирали у ручья рубахи и исподнее, снятые после купания в реке: со вчерашнего дня они успели высохнуть, но чище не стали. Сами пока оставались в сменных рубахах. С Фомича я снял походный чекмень, оттер с разодранного рукава кровь и разложил ткань просохнуть. Потом достал из нашей дорожной поклажи иглу с нитками и принялся чинить.

— Вчера с саблей я едва сам у телеги лежать не остался, — сказал я. — Благо нож выручил.

— Ты ж раньше-то умел все, — покосился на меня Фомич, — и из ружья, и из пистоля бил на загляденье. Саблю с ножом держать я тебя учил. У нас в полку, окромя меня, троих таких знал, что обеими руками владеть могли. Наука непростая. А вот ты к своим годам уже умел!

— Неужто у меня выходило?

— А то! Помнишь, на базу́ палками занимались? Ты всё левую руку к животу норовил прижать. Я тебе по пальцам легонько стукну, ты сердишься. А если боевой нож в бою к себе прижимаешь, то толку от него?

Ни двора, ни палок я не помнил. Посмотрел на собственную левую руку.

— На базе?

— Ай, — махнул Фомич рукой, — на базу́ говорю, двор так у нас на Дону зовется, где курень стоит.

— Теперь понял. Это ты меня всему учил?

— Дед твой, Степан Федорович, начал еще. Года два с тобой возился, ты совсем малым еще был. После отец, когда домой приезжал. Они больше тебе свои ухватки, родовые давали. Их уж я не ведаю, они ваши, Бодровых.

Я прикрыл глаза. На миг почудилась ладонь под локтем: приподняла, повернула руку. Ощущение исчезло, даже никакого лица в памяти не промелькнуло. Может, просто представил, почудилось?

— Все, что сам умел, я тебе передал, — продолжил Фомич. — Теперь вспомнить надо. Токмо сегодня сиди смирно, рано еще!

В седле, кажется, тело само освоилось, вспоминало выучку понемногу. Может, еще не до конца, но уже что-то. Стоит проверить, как сработает мышечная память, если пробовать управляться с ружьем или саблей.

— Федора тоже по пальцам бил?

— А то, как же! Он-то еще и спорить любил. А нынче, гляди, сам других поучает, офицер как-никак. — Фомич усмехнулся.

Я тоже улыбнулся. Вдруг в памяти всплыл размывчатый обрывок: «Даня, не гони». Голос ниже, чем у Фомича, как-то я чувствовал, что он принадлежал брату; ни лица, ни места вспомнить не удалось. Видать, это память прежнего Данилы прорывается, а может, я сам надумал после разговора. Но отмахиваться почему-то не захотелось.

Фёдор ждал младшего брата. При встрече нам, похоже, обоим придётся знакомиться заново, вот только он пока об этом не знает.

— В полку, Даня, другая наука пойдет. Там мало самому ловким быть, надо еще свое место знать и товарищей не подвести.

Он потрогал выстиранную рубаху, висевшую возле двери.

— Подсохла. Подай-ка ее сюда.

Помог ему сменить рубаху, осторожно провел больную руку в рукав. Затем и сам переоделся в свою подсохшую. Снятые сменные рубахи выстирал и развесил рядом с починенным чекменем Фомича. На еду в этот раз пустили остатки толокона. Фомич велел сперва растопить в котелке немного сала, добавить воды, потом понемногу сыпать толокон и мешать, чтоб не слиплась. Соль у нас уже была с перцем и чесноком; я добавил щепотку и раскрошил кусочек сливовой ядрёной пастилы. Получилась густая саломаха, с кислинкой. Ел с большим удовольствием, а Фомич тоже не отставал и усмехался, глядя на мой аппетит. После еды меня сморило.

До вечера вставал то перевести коней на свежую траву, то сменить Фомича у двери. Подогревали воду, отдыхали. Голова уже болела меньше, но стоило нагнуться, грудь напоминала о приключениях. Перед сумерками еще раз проверил руку Фомича. Хуже не становилось, а это в наших условиях уже новости добрые.

Проснулся сам. В этот раз не от шума, а просто бок затек, и шея после сна на жердях словно одеревенела. Полежал, прислушиваясь. Кажись, тихо.

Поднялся осторожно. Голова еще напоминала о себе, зато уже не шумело от каждого движения. Фомич сидел у двери и шевелил пальцами левой руки.

— Гляди-ка, Даня! Полегче стало.

Кисть и правда двигалась свободнее. Руку он все равно берег, но настроение у него заметно поднялось.

Пока Фомич пошел к коням, я остался у двери и потянулся. Позавчера, когда щепку доставал, Щуп меня вполне себе послушался. Не сразу, конечно, напрячься пришлось, но послушался же. До того им я перерезал сонную артерию драгуну, вызвав страшное внутреннее кровотечение. Проверять такое на себе не хотелось. Зато понять, могу ли вызвать Щуп вот так, в спокойной обстановке, стоило.

Положил левую руку на колено, правым указательным пальцем коснулся предплечья. И ничего. Попробовал еще разок. Только кожу пальцем чувствую. Тогда устроил локоть поудобнее, перестал торопиться и сосредоточился. Скоро у кончика пальца появилось знакомое сопротивление. Даже не знаю, как назвать эту энергию или что там, но теперь она проходила сквозь плоть, при этом не травмируя. Я убрал палец, и ощущение пропало.

После небольшой паузы повторил. Вызвать Щуп получилось уже быстрее. Начал сам, подержал немного и прекратил по своей воле.

Никакой картинки руки, типа рентгеновского снимка или МРТ, не возникло. Только маленький участок под пальцем и странное сопротивление плоти внутри. Когда почувствовал тяжесть в голове, закончил. До изнеможения доводить себя не собирался.

Пришло время поменять Фомичу повязку, и он пожаловался:

— Тут, Даня, чего-то щипет, — сказал он, показывая с краю раны.

Я сперва осмотрел руку как обычно. Под присохшей корочкой темнела тонкая полоска. На глаз не поймешь, лежит она сверху или ушла глубже в рану, а ковырять наугад не хотелось.

— Руку сюда и не дергайся.

Палец коснулся кожи рядом с раной. Щуп почти сразу наткнулся на что-то маленькое, совсем близко к поверхности.

Я убрал руку, смочил край корочки и подождал. Когда сгусток размок, под ним показались темные волокна старой повязки. При промывании они, видать, не заметили.

— Ну как теперь?

Фомич несколько раз согнул пальцы.

— Во! Так, кажись, лучше.

— Сама-то рана никуда не делась. Просто в нее нитки старые попали, я их убрал.

Он посмотрел на меня.

— Как хоть понял-то?

— Понял и все, о том не знаю, — пожал я плечами.

— Добре. — Фомич вздохнул, махнул здоровой рукой. — Токмо впредь, коли соберешься чего учудить, сперва скажи, что удумал.

— Хорошо, Фомич! Буду предупреждать, — улыбнулся я.

На том и договорились. Постигать возможности Щупа на сегодня, наверное, хватит, дел еще много!

Проверили коней, сбрую и путь отхода. В стороне нашелся подходящий овраг, по краям заросший кустами.

— Тут с утречка с тобой постреляем, — решил Фомич. — Наверху не так слыхать будет.

Пока он мне объяснял завтрашний распорядок, у кустов мелькнул заяц и юркнул вниз. Вечерком я предложил добыть зайчатины, чтобы припасы поберечь.

— Возле избы палить нельзя, а в овраге давай пробуй. Вот только ты на размер пули глянь. Ежели такая в зайца прилетит, то от него дай Бог одни уши останутся. Ушастого лучше нагайкой, но там с коня сподручнее, да в поле, ну или силки поставить.

— Да я и сам понимаю, — улыбнулся я, но сегодня главное мне вспомнить как стрелять, а уж с зайцем или нет, то, как пойдет. — Пожал я плечами, а Фомич махнул рукой.

Проверили подходы и куда отступать. Риск быть услышанным имеется, но, если стрелять в овраге, то он все-таки поменьше. Фомич остался сверху с лошадьми и вторым ружьем. Уговорились, что он будет ждать, а я вернусь по тому же склону, где спускался.

И вот я с заряженным ружьем уже в овраге. Сел метрах в сорока напротив корней, где в прошлый раз скрылся заяц. Я думал, нора там. Но ушастый все не показывался, зато минут через двадцать вниз стал спускаться подсвинок, годовалый похоже. Пропустил его за куст, потихоньку развернулся и замер.

Ждать я умел, под Киренском насиделся в засидках на разного зверя и птицу. Там у меня был привычный ИЖ-27, а здесь незнакомое ружье с одним выстрелом, да еще такого сумасшедшего калибра.

Кабанчик остановился близко, на фоне голой земли и уткнул пятак в землю. Я подвел мушку, потянул спуск. У лица полыхнуло, грохот заметался между склонами. Приклад толкнул плечо, в груди отозвались наджабленные ребра. Удержал ружье, дождался, пока разойдется дым.

Есть! Подошел и глянул на добычу. Самка, килограмм 20–25 весу, наверное, будет пуля, конечно, разворотила бок, но ничего, съедим! Тут и Фомич спустился ко мне, оставив коней на привязи.

— Поглядел я, добре. Токмо голову от ложи чего оторвал? Вспышка тебе не враг.

А у меня в ушах звенело, да еще и дым этот от сгоревшего пороха. Прям ощущение, что я его поел.

— Ну ничего, не кручинься! Поучимся, и все вспомнишь. Давай-ка ты сперва еще из ружья пару выстрелов сделай, а потом из моего пистоля. Тут тоже вспоминать надобно.

Мишенью стала полоска коры, поставленная у земляной стенки. Перезаряжал я сам, Фомич подсказывал. Руки теперь увереннее находили нужное, шомпол убрал без напоминаний. Появилось устойчивое ощущение, что делал это раньше и далеко не один раз.

Первый учебный выстрел ушел в молоко, точнее, в стенку оврага.

— Крючок так не тяни, Даня! Плавнее надо, плавнее!

Пару раз вдохнул-выдохнул, кажись, грудь отпустило. Снова зарядил, приложился. Надо не торопиться, это не моя двустволка. Выстрел, и пулей отщепило край коры.

Потом проверили пистоль. Припас к нему Фомич достал отдельно. Дважды заряжал и стрелял, со второй попытки зацепил мишень. Рукоять ложилась привычно, но кисть уставала: тяжелая все-таки бандура.

— Вспомнишь, Даня, помяни мое слово, все вспомнишь! Но для того пороха еще пожечь придется немало.

Обратно шли прислушиваясь. Подсвинка я сам разделал, опыт с прошлой жизни в этом деле имелся у меня богатый; дядька помогал здоровой рукой. Мясо тушил с водой в котелке на небольшом огне, всыпал щепотку казачьей соли с перцем и чесноком, раскрошил остаток кислой пастилы. Под конец вытряхнул из мешочка последнюю пшеничную крупу.

— Дивная саломаха вышла! И ты хорош в охоте! — Фомич облизал ложку, — Федор сперва ждать не умел, все ерзал на месте. А ты сидел тихо, терпеливо, вот и дождался ушастого! И приварок нам не несколько дней хороший вышел.

Похлебали горяченького, еще и с мясом. Сало осталось на дорогу, а там, глядишь, и еще чего попадется. Под присмотром Фомича вычистил оружие и зарядил. В сумах осталось пятьдесят семь ружейных патронов, теперь оба ружья снова были готовы к бою.

Дежурить уговорились по очереди. Я сел у двери, Фомич лег отдыхать. После нашей пальбы мы были на стороже. Надеюсь, овраг скрыл от чужих ушей выстрелы.

К утру девятнадцатого июня мы уже собрали поклажу, приготовившись покинуть это место. Когда поднимал седло, и грудь напомнила о себе. Точно определить, что там, я не мог, пальпация тоже ясности не давала. Если ушиб, то заживать будет две-три недели, а вот трещина может беспокоить месяц, а то и полтора. Рана Фомича, если обойдется без нагноения, за ближайшую неделю-две должна зажить, но рука не сразу придет в норму. Ладно, нечего киснуть, обоим ведь за эти два дня стало полегче, и то хлеб!

— Ну, Даня, давай-ка поглядим, чего ты помнишь, — сказал Кондрат. — Шибко тужиться не станем, еще ехать сегодня. Понемногу, да каждый день, но вспоминать нужно!

Он попросил показать, как я держу саблю с боевым ножом. Правая рука нашла привычное положение, левая замерла у живота. И куда ее теперь?

— Во! Опять нож к себе прижал. Поначалу ты ровно так и делал, когда я тебя учить взялся. Саблю взял верно, а про левую руку совсем забыл.

Убрал оружие, подобрал две гладкие палки, длинную и короткую. Фомич здоровой рукой отвел мой локоть.

— Эта за саблю, короткая за нож. Пока правая пошла, левая тоже не спит.

Длинная палка описала косую дугу, короткая вышла вперед, прикрывая меня сбоку. Я переступил, и руки сами поменяли положение. Получилось это даже раньше, чем успел подумать.

Попытался повторить по частям. Сначала правая, потом левая… Палки сошлись перед грудью, и я едва не ударил себя по пальцам.

— Погоди. Опусти руки. Теперь как прежде давай, вот, левой веди сюда.

Выдохнул, начал заново. Короткая палка двинулась следом за длинной, не мешая ей. Вот оно! А стоило сосредоточиться на каждом движении, начинал путаться.

— Этому ты меня учил? — спросил я, когда мы присели передохнуть.

— Обоерукому бою — я. А у Михаила свои ухватки были, не все их я даже видел. Да и дед тебя учил, было дело.

Стало интересно, что за особые ухватки у Бодровых передавались из поколения в поколение. О том спрошу у Федора, как возможность выдастся. Пока же даже лиц отца с дедом вспомнить не могу.

Напоследок взял свои саблю и боевой нож. Они были явно потяжелее палок. Медленно повторил движение.

— Стой.

Замер. Сабля впереди, нож чуть сбоку, руки друг другу не мешают. Во второй раз поспешил и снова прижал левую к себе.

— На сегодня хорош, — остановил Фомич.

Оружие я убрал. Мы осмотрелись, собрали вещи, забрали Звездочку, Машку, Баловня, обоих драгунских и двинули к оврагу.

У земляной стенки я поставил широкий кусок коры и нацарапал на нём крест. Фомич устроился у привязи: оттуда ему были видны и я, и подходы. Второе заряженное ружье положил рядом.

— Пять раз, с передышками. Коли шибко устанешь — раньше кончим.

С двадцати пяти шагов я потянул спуск. На полке вспыхнул порох, я дёрнулся ещё до отдачи. Когда дым разошёлся, увидел, что пуля ударила ниже и левее креста.

— Сам понял? Мишень после спуска не теряй из виду, — сказал Фомич.

Перезарядил. Во второй раз попал в кору, третья пуля задела край. После передышки сделал еще два выстрела: оба легли близко к кресту. Каждый раз ждал, пока разойдется дым. К концу руки устали, и ребра снова ныли от отдачи.

— Все, Даня. Малость вспомнилось, остальное понемногу вертаем назад.

Вылез из оврага, напился воды, вычистил пострелявшее ружье и снова зарядил. Фомич проверил свое и кивнул мне на лошадей: мол, пора.

Я сел на Баловня, взял повод Машки. Кондрат тронул Звездочку, ведя драгунских следом. Место, давшее нам два дня спокойно отлежаться, скоро скрылось за деревьями. Увы, время не ждет, пора было искать полк брата.

До следующей лесной дороги не дошли. Фомич поднял руку, придержал Звездочку. Я остановил Баловня и прислушался. Копыта. Между стволами мелькнули всадники, послышалась французская речь.

Кондрат показал в сторону от просвета. Слезли, тихо стали отводить лошадей за кусты. Один из французов задержался на пересечении троп и повернулся к лесу. За его спиной скрипели колеса, кто-то покрикивал. Обоз, твою мать, а может, опять фуражиры шастают. Переждать пару верховых и спокойно проехать тут не выйдет.

Я оглянулся. Развилку эту мы недавно уже видели.

— Понизу пройдем, Фомич. Помнишь, вчера это место смотрели?

— Добре, Даня, токмо ветки придерживай и Машку не отпускай.

Первым повел Баловня. Между стволами пришлось протискиваться боком; мерин потянул морду к руке, осторожно переступил через здоровенный корень. На сухом пятачке я закрепил повод и вернулся. Фомич держал Звездочку правой рукой, поглядывая сквозь листву на дорогу.

Я взял Машку. Она шла за мной, пока левый вьюк не зацепился за торчащий сучок. Кобыла попятилась, пряжка стукнула по дереву.

— Тихо, Машка, тихо… Тихо, родная.

Всадник на дороге закрутил головой. Фомич накинул повод Звездочки на низкую ветку и снял ружье с седла, удерживая его правой рукой.

Я стоял у Машкиной морды. Она раздувала ноздри, собираясь еще податься назад. Погладил по шее, негромко начал говорить с ней. Хоть бы не заржала сейчас, дуреха.

Свободной рукой отвел сук. Сначала не вышло, но потом подал кобылу чуть вперед, освободил поклажу и медленно отпустил ветку.

Всадник все еще смотрел в нашу сторону. Я видел его плечо и руку на поводьях. За ним со скрипом остановилась подвода; возница прикрикнул на лошадь, затем кто-то окликнул верхового. Тот обернулся и тронул коня, нагоняя своих.

Облегченно выдохнул и провел наконец Машку, потом вывел по одному драгунских и вернулся к Баловню. Фомич вернул ружье к седлу, отвязал Звездочку и провел ее следом.

За перегибом склона остановились. Я проверил ремень, что так неудачно зацепился за ветку. Целый вроде. Фомич прислонился плечом к стволу, поправил перевязь.

— Посидим покуда. Пройдут все, тогда и поглядим.

Колеса скрипели как раз в той стороне, куда нам требовалось выбраться. Сколько их еще там, за поворотом?

— Надо глянуть, Фомич, чтобы ненароком с лошадьми к ним не выскочить.

Он согласился. Оставив животных в закрытом густыми кустами месте, мы вдвоем поднялись к краю леса. Теперь хотя бы врасплох нас застать не должны.

За листвой шли повозки. Несколько уже миновали заболоченную ложбину, а последняя стояла косо на деревянном настиле. Под колесом задирались ветки. Возница и солдат пытались подсунуть под еще, но лошадь пятилась, мешая им.

Еще двое с ружьями стояли поодаль: один возле упряжи, другой смотрел вслед уходившим. Четвертый держался у задка подводы. Рядом с ним я заметил человека в разодранной одежде. Тот шагнул к колесу, неловко споткнулся и едва не свалился.

Пригляделся. Запястья стянуты сзади, и от них тянется веревка прямо в руку солдата.

— Воды… Дай воды, Христа ради!

Бедолага осел возле колеса. Охранник дернул веревку и что-то зло сказал по-французски. Судя по тону, выругался.

— Наш это, — выдохнул Фомич. — Глянь, что от его мундира осталось. С какого полка, так и не разберу, — добавил он, пожав плечами в ответ на мой вопросительный взгляд.

На виске пленника темнела засохшая кровь, видно, что он истощен.

— Он про наших знать может, хоть что-нибудь… — вздохнул Кондрат.

Может. А может, про Денисова даже и не слыхал ни разу, мало ли полков в русской армии.

Ближайшая повозка с людьми еще не скрылась за поворотом. А возле пленного остались четверо солдат с ружьями и возница. Да и остальные не особо далеко, скорее всего, будут ждать отставший транспорт. Стоит пальнуть, сразу набегут.

— Подложат, вытянут колымагу свою и пойдут дальше. Долго уж точно тут не простоят.

Солдат уперся плечом в борт. Возница тянул за толстую ветку, подсунутую под колесо; оба при этом ругались.

Три дня назад у Рудников я думал только о том, где бы нам ночь пережить, да день продержаться. Теперь отлежались, какие-никакие силы накопили. Можно хотя бы прикинуть наши шансы, но точно не лезть очертя голову.

— Задержимся, Фомич? Поглядим, куда его… Здесь не подступиться, а вот дальше, глядишь, и получиться.

— Даня, тебе к брату надо. Опять завязнем тут.

Пленный облизнул губы, посмотрел на флягу у солдата.

— Он, Фомич, судя по всему, тоже к своим шел. Только вот видишь, где теперь!

Кондрат помолчал, глядя на сидевшего.

— Добре. Проследим за ними. А там поглядим, что сможем.

Наконец колесо удалось вытащить. Возница подхватил вожжи и прикрикнул; солдат навалился на борт. Подвода качнулась, скрипнула и вылезла.

Пленного подняли за ворот. Охранник привязал конец веревки к задку, оставив не больше трех шагов, чтобы тот шел следом. Возница полез на свое место.

Черт, ждать тут нам больше нечего. Пока будем сидеть да выбирать удобный случай, пленного просто уведут.

— Решили делать, Фомич, пошли и сделаем, не то поздно будет.

— Добре, — тяжело вздохнул он.

Пригнувшись, мы выбрались из-за кустов, чтобы вернуться к коням и следовать за подводой.

Глава 5. Свои

Мы с Фомичом без помех вернулись к оставленным лошадям. Я отвязал Баловня, взял повод Машки, Кондрат вывел Звёздочку с драгунскими. Он приметил узкую тропу, шедшую за деревьями параллельно дороге. Повели коней по ней. Нагонять обоз не стали: скрип колес и голоса возниц подсказывали, куда двигаться.

Если пленный не сможет идти, куда мы его денем? На себе ни я, ни Фомич не утащим. Оседланный гнедой у нас есть, но до него еще надо добраться, а потом удержать раненого в седле. Сперва бы понять, держится ли этот бедолага на ногах.

— Даже отобьем, Даня, еще довести его до своих придется, — тихо сказал Фомич. — Дело непростое!

Добрались до просвета, с которого была видна длинная полоса дороги. Мы остановились в кустах и пропустили обоз мимо. Семь подвод, при каждой возница. Пеших с ружьями насчитали двенадцать, двое из них устроились поверх груза. Шесть верховых держались по сторонам и впереди.

— Двадцать пять, — шепнул я. Многовато, твою ж…

— Для корпуса маловато, — отозвался Фомич. — К полку, поди, припасы везут.

На возах лежали мешки, тюки под полотнищами; из-под края одного торчала солома. У задней подводы солдат достал хлеб из мешка. Что везли толком было не разобрать.

Последняя подвода опять отставала. Колесо ходило неровно, и возница все оборачивался на него. Он спрыгнул, прошел рядом несколько шагов, приглядываясь, затем снова забрался на место. Похоже, потому и возились они так долго в прошлый раз. Что там с колесом приключилось, мы не видели.

Тропа вывела нас к месту, где дорога расширялась. Здесь обоз встал. Трава у обочины была вытоптана, за деревьями поблескивала вода. Кажись, ручей. Возницы стали оглядывать упряжь. Пленного подвели к задней подводе. Руки его оставались стянутыми за спиной, конец веревки тянулся к повозке.

Он сам переставил ноги и опустился на землю. Медленно, с трудом, но без чужой помощи. Может, и сможет на своих двоих дойти до наших коней.

Я искал глазами кусты поближе к подводе, когда Фомич придержал меня за плечо.

— Погоди. Сперва разобраться надо, как у них охрана службу несет.

Мы отвели коней в густой ельник, привязали и вернулись пешком. За двумя соснами нашлось место, откуда просматривался привал и пленный у задней повозки.

Особо легче пока не стало. Двое верховых проверяли дорогу впереди, остальные держались при подводах. Я пробовал прикинуть путь к пленному, но куда ни глянь, на открытом месте кто-нибудь стоял. Фомич лишь качнул головой: мол, заметят.

Возница задней подводы подвел к колесу человека, которому остальные уступали дорогу, видимо, офицера или старшего. Показал, как колесо болтается. Двое солдат принялись снимать мешки, складывать у борта, а затем приподнимать подводу. Возница выпряг лошадь и привязал ту к дереву.

— Быстро не управятся, — прошептал Фомич.

Так и вышло. Старший махнул рукой в сторону дороги. После короткой остановки шесть подвод тронулись. Из четверых солдат при последней он увел двоих. Возница и два пехотинца остались: один глядел за дорогой и время от времени подходил к колесу, другой не отходил далеко от пленного.

Мы ждали, пока последний всадник скрылся за изгибом. Скрип колес постепенно стих. Фомич прикинул, что обоз ушел на полверсты или около того. Возница все еще возился с колесом. Если услышат выстрел, верховые быстро вернутся. Потому действовать нужно тихо.

Подвода стояла боком к лесу. Пленный сидел у заднего колеса с нашей стороны; от дороги его закрывали кузов и снятые мешки. Один солдат маячил у заднего угла. Другой вместе с возницей был по ту сторону повозки, они продолжали возиться с неисправным колесом. До наших привязанных в ельнике коней отсюда около сотни шагов.

— Выведем его и подпалим груз? — Предложил я.

— Так только нашумим, да и на дым ихние быстрее вернутся. Главное, Даня, страдальца нашего вытащить.

— Гляди, Фомич, у них там и харчи, похоже, имеются, а нам еще неизвестно, сколько по лесу шастать. Поглядеть бы…

— Дело сначала, а там видно будет.

Я кивнул. И правда, если тревогу подымут, нам будет не до трофейных харчей.

Фомич еще раз проверил, заряжен ли его пистоль, взглянул на затравку и кремень. Свое ружье я оставил у наших лошадей: с ним несподручно тут ползать. Второе Фомич положил в кустах на пути к отступлению, а сам устроился с пистолем в правой руке, в десятке шагов от подводы.

— Режешь веревки и ведешь его сюда.

Я вытащил из ножен боевой нож. Сабля оставалась на поясе. Дождался, пока часовой отвернется и пойдет к товарищам, тогда уже пополз к кузову.

Кусты тянулись почти до самого края вытоптанной земли. Я прополз под их ветками и остановился: до сложенных у подводы мешков оставалось шага три. С дороги меня закрывал кузов, зато часовой у заднего угла мог обернуться в любую минуту. Подождал, пока он отвернется и заговорит с возницей.

Я махнул, и пленный заметил меня, глаза у него расширились. Еще бы: мальчишка с ножом из леса вылез, как черт из табакерки. Я приложил палец к губам и одними губами произнес:

— Свои.

Он все также смотрел на меня, словно все ждал, что из леса выйдет кто-то постарше. Я показал на деревья, где остался Фомич: мол, там свои. Потом указал на его ноги и снова на лес: идти сможешь? Пленный кивнул.

Возница что-то громко сказал солдат присел, прислонил ружье к борту: видать, помочь решил. За повозкой громко заспорили, что-то загремело. Я выскользнул из-за мешков и опустился возле пленника.

Быстро перерезал веревку, тянувшуюся к задку повозки, потом осторожно поддел ножом стяжку на запястьях и разрезал ее, стараясь не задеть кожу. Он повернул ко мне лицо, хотел что-то сказать, но я покачал головой. Спор за повозкой продолжался, их голоса заглушили нашу возню.

Пленник оперся на правую ладонь и дернулся от боли. Я схватил его за локоть, потянул в сторону кустов и показал, куда ползти. До них недалеко; дальше Фомич поможет.

Пленный пополз, прижимая больную руку к себе, не задирая головы. Я остался, прижавшись спиной к борту, и слушал, как рядом ругаются французы. Ждал, когда пленный подберется к кустам, тогда и я следом рвану.

Возница прикрикнул на солдата, борт повозки скрипнул. Еще немного — и я…

Но не судьба, видать. Послышались шаги: часовой возвращался. Он уже огибал угол подводы, и я приготовился его встречать. Других вариантов не находилось.

Я выскочил ему навстречу из-за колеса и ударил ножом снизу вверх. Часовой успел схватить меня за рукав. Я толкнул его к борту и вывернулся, но лезвие осталось в шее. Потянул за рукоять, но та не поддалась. А за повозкой уже зашевелились.

Второй пехотинец сидел у колеса; ружье стояло рядом. На шум он обернулся и потянулся к нему. Я успел схватить солдата за ворот. Тот дернулся и ударил меня локтем. Правым указательным пальцем я все же добрался до открытой кожи.

Щуп отозвался знакомым сопротивлением. Как тогда, с драгуном, я направил усилие туда, где должна была идти сонная артерия. Удержать касание оказалось трудно; я сделал короткое движение и отдернул руку. Рядом проходит и яремная вена. Одним движением можно было зацепить и ее. Что именно повредил, сейчас понять было нельзя.

Солдат дернулся, хрипло вскрикнул и вцепился в край повозки. На шее под кожей быстро наливалась припухлость. Он еще держался на ногах и тянулся к ружью.

Я шагнул влево, обходя его, и вытащил саблю. Возница уже поднимался. Он смотрел не на меня, а на солдата, который сползал по доскам, открывая и закрывая рот, как рыба. Возница начал что-то бормотать. С солдатами он говорил по-французски, теперь я расслышал: «Пане Боже…» Вспомнился выговор Якуба. Поляк, похоже. Как он оказался при этом обозе, я не знал. На нем была обычная рубаха, а не мундир.

Хотел уже закончить с ним, но тот отшатнулся, опустился на колени, прижал ладони к груди, зашептал быстрее, потом перекрестился. Возница молился. Я держал клинок перед собой, ожидая, что он вскочит или закричит, но возница смотрел в землю и бормотал. Зарубить безоружного, стоящего на коленях, я не смог.

Фомич вынырнул из-за задка подводы почти беззвучно. Поравнялся с возницей и правой рукой ударил его рукоятью пистоля по затылку. Тот повалился набок и затих.

Я убрал саблю. Часовой лежал у борта, второй — у колеса; оба не двигались. Возница дышал. Фомич ударил от души, но я не знал, как скоро он очнётся. Медлить с уходом было нельзя.

— Еще два, их оставим, — сказал Фомич, взглянув на лежащее ружье. — Верховые воротиться могут. Бери, что под рукой, и к коням.

Их лошадь стояла у дерева на открытом месте. Фомич было шагнул к ней, да остановился: из-за повозки и кустов пришлось бы выходить прямо на виду у дороги. Верховые могли вернуться в любую минуту. Оставили ее, скрепя сердце: Савелия бы унести. Нам нужны были припасы, да, может, еще чего полезного найдется. Под снятыми с воза мешками я заметил кожаный ремень и вытянул сумку. Широкая, с крепкими застежками, явно не солдатская. На клапане виднелось какое-то тиснение.

— На офицерскую похожа, — сказал Фомич.

Внутри лежал пистоль, сложенные бумаги, гребень, платок и еще что-то. Фомич вернул все на место.

— Чья была, после узнаем, а пистоль нам и самим пригодится.

В мешках были сухари и рис. Рядом нашлись два больших шмата копченого сала, килограмма по два каждый. Я выбрал мешок получше и стал быстро складывать в него то, что влезет. Даже пару караваев хлеба нашел, несвежих, конечно, ну и хрен с ними. На троих с нашими остатками это можно на неделю, а то и больше растянуть.

У борта стояли две бутылки в соломенной оплётке. В первой оказалась виноградная водка. На второй я разобрал французское «esprit-de-vin» — винный спирт. Откупорил, понюхал и забрал обе. Спирт пригодится, когда снова стану перевязывать Фомича.

Уложил бутылки поверх сухарей и туго затянул горловину мешка, сделав примитивный сидор. Когда закидывал его за плечи, в ребрах опять закололо. Чуть не оступился, придержал грудь ладонью. В висках глухо застучало, пальцы слегка дрожали. Еще раз вызвать Щуп сейчас я бы не решился. Сам бой занял считаные мгновения. На это время удалось как-то отстраниться от ран, но они никуда не делись.

— Даня, хорош, поспешать надо! — Фомич перекинул офицерскую сумку через правое плечо. — Верховые, говорю же, воротятся — и карачун нам придет!

Я кивнул и с тяжёлым мешком за плечами двинул к кустам. Фомич шел рядом, держа пистоль в здоровой руке. У самой кромки леса я остановился, скидывая мешок.

— Нож, черт побери, оставил! Я мигом! — сказал я, не дожидаясь, пока Бирюков меня остановит, побежал.

Вернулся к повозке. Возница лежал, как и прежде. Я выдернул нож из шеи часового и подошел ко второму: тот не дышал, а снаружи виднелась налившаяся под кожей гематома. Возница видел, как я держал солдата за горло голыми руками. Если очнется, расскажет, а потом начнут осматривать тело.

Я провёл лезвием по шее мертвеца. Кожа разошлась, и из-под неё выступила тёмная, густая кровь. Я поморщился, но не от вида крови, которой повидал за свою жизнь ее столько, что давно перестал рефлексировать, а от того, что приходится делать. Не знаю, поможет ли это удержать в тайне мой Щуп, но других вариантов пока в голову не приходит. Вытер нож и поспешил в лес.

Фомич ждал за кустами с сумкой. Я подхватил оставленный мешок. Мы шли по следам освобожденного: примятая трава и обломанные ветки показывали, куда тот отполз.

Нашли его шагах в тридцати от дороги. Он сидел, прижимая поврежденную руку, и пытался отдышаться. От повозки отполз на страхе; теперь без опоры уже не мог подняться. Увидев нас, он открыл рот.

— После поговорим. — Фомич поднял ладонь. — Сейчас уходить надо, пока твои дружки не воротились.

Фомич убрал пистоль за пояс и подхватил пленного с одной стороны, я — с другой. Тот попробовал идти сам, но на третьем шаге снова почти повис на нас. Идти с грузом и этим солдатом было нелегко. У места, где Фомич оставил ружье, остановились, чтобы подобрать его.

— Как звать-то тебя, братец? — спросил Фомич.

— Савелий Зорин. Я из...

— Опосля расскажешь. Сперва подальше уйдем. Еле ноги переставляешь, помолчи пока и силы побереги.

Наконец и до коней наших добрались. Савелий прислонился к сосне, пока мы привязывали сидор и офицерскую сумку к вьюкам Машки. Мое ружье, оставленное тут перед вылазкой, тоже закрепили на ней. Фомич свое к седлу Звёздочки повесил.

Мы подвели к Савелию оседланного гнедого и помогли поставить ногу в стремя. В седло он забрался со второй попытки, сразу ссутулился и вцепился здоровой рукой в луку. Я сел на Баловня, взял повод гнедого и держал его рядом. Фомич устроился на Звёздочке, повел Машку и серого. Тронулись ровным шагом; я все поглядывал на Савелия, готовый придержать, если начнет валиться.

Примерно через версту пути со стороны дороги донесся один выстрел. Я оглянулся на Фомича. Неужто верховые вернулись к повозке? Зачем тогда стреляли? Черт его знает! Прибавили шагу, насколько позволяли силы Савелия. Фомич увел нас с тропы на сухой, покрытый хвоей склон. Я высматривал впереди ручей или твердый каменистый участок. Нам нужно было скрыть следы.

Подходящий нашелся за елями. Я велел Савелию крепче держаться за луку седла, сам спешился с Баловня и взял гнедого под уздцы. Баловня повел рядом. Фомич направил Звёздочку в воду, ведя Машку и серого за собой. Прошли по руслу около сотни шагов и выбрались на камни. Теперь без хорошего следопыта пройти по нашим следам будет непросто.

Прислушались. Выстрелов больше не было.

— Много их, Даня, больно. На всех нас не хватит, — негромко сказал Фомич.

— А на всех и не надо. Мы ведь не одни воюем. Россия большая. Помяни мое слово: погоним их обратно ссаными тряпками в ихнюю Европу. Там еще и на Елисейских полях с тобой спляшем.

— На кой мне их поля? У нас на Дону своих хватает, — хохотнул он. — Пошли давай, неча тут стоять.

До подходящей ложбины шли шагом. За густыми елями помогли Савелию спуститься. На ногах худо держался, пришлось усадить его у корня.

Фомич остался у коней смотреть за подходом. Я подал Савелию флягу. Он выпил немного, отвечал связно. На виске была лишь засохшая кровь; других кровоточащих ран я не заметил.

— От повозки-то как дополз?

— Полз, пока мог. А поднялся, так ноги будто чужие стали.

Веревка содрала кожу с запястий. Правая кисть распухла, но прикосновение Савелий чувствовал, пальцами шевелил. Я сполоснул руки, смочил их винным спиртом, затем промыл ссадины оставшейся во фляге кипяченой водой и осторожно убрал приставшую грязь.

Протер спиртом целую кожу вокруг ссадин. На содранные места лить его не стал. Прикрыл запястья чистым полотном. Кисть велел беречь; что с ней, с одного осмотра не разобрать.

Фомич дал Савелию хлеба. Тот жадно ел, запивая водой из фляги. Когда я закончил перевязку, он поднял глаза:

— Спасибо вам, братцы, не бросили!

— До своих доведем — тогда и благодарить станешь, — ответил Фомич. — А в сухомятку много не ешь. Скоро чего горячего сварганить попробуем, у нас теперь и харчи для того имеются. — Он подмигнул мне.

Савелий отложил горбушку, и Фомич присел напротив.

— Ты из какого полка, братец, будешь? Хотел ведь рассказать, да договорить-то мы тебе так и не дали.

— Из Первого егерского. Мы при Дорохове службу несли, рядовой я.

Фомич повернулся ко мне. Я уже хотел спросить сам, но он опередил:

— Донцы при вас были? Про полк Денисова Седьмого не слыхал чего?

— Были. У Олькеник они к нам подошли. Их колонну сам видел, а фамилию эту, кажись, от своих слышал.

— Есаула Бодрова знаешь? — Я придвинулся к Савелию. — Фёдором его зовут.

Савелий покачал головой:

— Ваших поименно не знаю. Казаков только издалека видал.

Я вздохнул. А с чего егерю знать каждого казака? Зато Рудники больше не были единственной зацепкой.

— Где ты от своих отстал? — спросил Фомич.

— Вчера, возле Больших Солечников. От своей команды отстал, на неприятельский разъезд вышел. Сперва с собой вели, потом обозникам отдали. — Савелий потер забинтованное запястье. — Перед тем говорили, что к Ольшанам повернем. Дошли ли они, о том не ведаю.

— А если сперва к Большим Солечникам выйти? — предложил я.

— Там его и взяли. На большак к французам пойдем?

Савелий вспомнил про развилку у одинокого дуба, которую приметил еще до плена. От нее в лес уходила узкая дорога. Куда она выводит, он не знал, но по ней можно было попробовать обойти занятый тракт и уже там расспросить местных. Фомич согласился держать направление на Ольшаны, хотя отряд Дорохова мог уйти и дальше.

— До наших меня возьмете? — спросил Савелий. — Мне в роту надо. Оклемаюсь и, глядишь, еще повоюю. Вот где у меня эти черти! — Он приставил руку к шее.

— Доведем, — сказал я. — Куда тебя девать-то.

Фомич не стал спорить.

— Чуток переждем, поснедать надо, а уж потом пойдем тем обходом. У своих разузнаем, куда Дорохов направился. Там же и про полк Денисова Седьмого спросим. Не иголка же он в

стоге сена. Найдем, Даня, найдем. — Фомич похлопал меня по плечу и развязал мешочек с рисом, покачал его на ладони.

— Сорочинское пшено, гляди-ка. У нас дома такое в основном к празднику. В поход уж точно не берем. А тут у французов разжились, — он усмехнулся. — Сегодня, выходит, и у нас праздник будет.

Мы с Фомичом развели под склоном небольшой огонь. В котелке зашипело сало; потом покидали мелкие куски добытого недавно мяса, и когда оно чутка подрумянилось, Фомич плеснул воды, засыпал трофейного риса. Пока крупа доходила, мы прислушивались к лесу. Со стороны дороги больше не стреляли, да и попетляли мы прилично, найти не должны.

Получилась отличная саломаха, еще бы морковки, лука и у нас плов бы вышел. Но зато от сала она вышла наваристая и духмяная. Савелий орудовал ложкой левой рукой и ел не спеша.

— Давно такова не едал, — сказал он. — Последние дни все больше на сухарях, да и то не вдоволь.

— Ешь, сил набирайся, дорога у нас непростая будет, — ответил я, прожевав.

— Как вы столько сухарей трескаете, не пойму, — сказал Кондрат, пережевывая, — у нас больше водиться их растолочь, да кипятком залить. На кой зубы-то ломать, да и сытнее выходит.

Егерь не ответил, только улыбнулся и плечами пожал.

Пока догорали угли, я вымыл котелок и вскипятил еще воды. Дождался, пока остынет, сполоснул и наполнил опустевшие фляги. Фомич на сей раз ничего не сказал, только помог придержать одну за ремень.

Огонь залили водой и присыпали землей. Сухари, рис, сало и бутылки переложили из сидора во вьюки Машки. Фомич возился с ремнями, а я раскрыл офицерскую сумку. На клапане теперь разглядел буквы: «А. Н. С.».

Среди бумаг нашлись письмо, адресованное капитану гвардейской конной артиллерии Александру Никитичу Сеславину, и подписанная им расписка за фураж. Сеславин. Я помнил эту фамилию: кажется, читал в какой-то книге про партизан двенадцатого года. Неужели тот самый? Как сумка очутилась у французов, бумаги не объясняли.

В платок был завёрнут овальный медальон. Под стеклом лежала светлая прядь волос. Чья — я не знал. Закрыл медальон и убрал, чтобы не раздавить в дороге.

— Что там? — спросил Фомич.

— Похоже, сумка капитана Сеславина. Если встретим, то вернём.

— Сперва бы нам своих найти, — сказал Кондрат и достал из сумки пистоль.

На замочной доске стояло: «Тула 1810».

— Гляди, это кавалерийский, девятого образца, — сказал Фомич. — Такой же, как мой.

Я придерживал оружие, пока он здоровой рукой зарядил его и передал мне.

— Пользуй, Даня. Если найдешь хозяина, то вернешь, а пока он тебе нужнее.

Савелия подсадили на гнедого. Он ухватился за луку левой, а забинтованную правую устроил на коленях. Я взял повод и пока пошел рядом, ведя Баловня с другой стороны. Шли шагом: Савелия качало в седле, а у меня после возни с вьюками опять заныли ребра. Отпускать повод я пока не решался — Савелий едва держался.

На выходе из ложбины я оглянулся в сторону оставленной дороги. Там еще могли искать беглецов. Савелий качнулся в седле; я придержал мерина, пока он снова не ухватился за луку. От французов мы его отбили, а вот до своих еще надо довезти. Зато он помнил развилку, с которой можно обойти занятый тракт. Впервые за три дня после переправы у нас появился путь к людям, которые могли знать, где сейчас полк брата.

— Теперь знаем, у кого спрашивать, — сказал Фомич. — До егерей доберемся — глядишь и Фёдора сыщем.

Фомич направил Звёздочку между елей. И я повел мерина следом, высматривая развилку с одиноким дубом.

Глава 6. Чужая депеша

Дорога вымотала, и как бы мне ни пытался помочь Баловень, но в седле я устал неимоверно. А когда на корнях гнедой замедлил шаг, егеря повело набок. Осадил обоих коней, успел ухватить Савелия за пояс. Он выпрямился и снова вцепился в луку левой рукой. Пришлось держаться почти бок о бок: отпускать его одного я пока не решался.

— Недолго так проедете, — оглянулся Фомич. — Савелий-то наш еле держится. На корнях лучше спешивайся, Даня.

Проехали молча еще немного. У прикрытого кустами просвета Фомич поднял руку. Я спешился, придержал Баловня с гнедым. За деревьями, на другой дороге, застучали копыта.

Кто-то окликнул всадника по-французски; ответа я не разобрал.

— С тракта идут, — негромко сказал Савелий. — Голоса, кажись, оттуда.

Фомич указал на густые ели справа от просвета.

— Даня, за мной двигай.

Он направил Звездочку в ельник, увел Машку и серого. Следом и я со своим выводком. Под деревьями нашлась низина: с дороги нас закрывали кусты, а между стволами оставался просвет для обзора. Машку Фомич поставил глубже остальных.

По пути сюда мы дважды замечали вдалеке небольшие группы французов, но теперь всадники проходили совсем близко. Я насчитал около двадцати. Из-под дорожной пыли виднелись зеленые мундиры; на шлемах поблескивали гребни, сзади свисали темные гривы.

— Драгуны, — шепнул Фомич.

Гнедой переступил и подался к свету. Савелий левой рукой натянул повод, удержав его за кустами. Баловень замер рядом со мной, серого Фомич придержал у Звездочки. В тот же миг вьюк Машки зацепился ремнем за ветку и начал съезжать набок. Я подхватил его и придержал у седла, пока кобыла стояла спокойно. Фомич смотрел на дорогу. Лишь когда прошел последний всадник, он помог снять ремень с сучка.

Разъезд свернул к большаку, оставив за собой облака пыли.

— На главную пока нельзя, — сказал Фомич. — Эта, может, и свободна, но и то проверять надо, а не нахрапом переть.

Мне думалось, что с каждой остановкой полк брата, который мы искали, уходит все дальше. Но какие у нас, собственно, варианты… Прождали с полчаса и двинулись дальше.

Примерно через версту, может, чуть дальше, мы поднялись на небольшой пригорок. Егерь первым насторожился:

— Слышите? Опять конные. Далековато еще, но идут быстро, сюда вроде бы.

— Немного их, — сказал Фомич. — Трое, кажись.

С нашего пригорка между стволами виднелся длинный кусок проселка. По нему и правда быстро ехали трое. По виду двое прикрывали третьего, на охранение похоже.

— Посыльный, что ли? — шепнул Фомич.

— Давай возьмем и узнать попробуем?

— Даня, так мы после того обоза еще не отошли. Савелий вон, гляди, на ногах не стоит. Да и те два десятка драгун отсюда не шибко далеко ушли. — Фомич еще раз глянул на всадников.

— Если при нем бумаги важные, то, может, рискнем? А если сильно нашумим, в лес уйдем. — Я вопросительно глянул на Фомича.

Мы успели отвести коней в заросшую ложбину и привязали к деревьям. Потом помогли Савелию спуститься с гнедого и усадили у привязанного коня лицом к дороге. Я снял с Машки свое заряженное ружье и положил рядом с ним.

— Если за этими, кто еще покажется, дай знак, — велел Фомич. — Но сам не вставай.

— Может, повод натянем поперек? — предложил я.

— Непросто, но попробовать можно.

Узкий участок проселка давал хоть какой-то шанс. Мы приготовили повод Машки, чтобы сбить переднего, и разошлись по сторонам. Фомич держал пистоль в здоровой руке. Свое ружье он прислонил к дереву. Среднего сговорились по возможности брать живым.

Все вышло не совсем так, как представлялось. Передний всадник налетел на натянутый повод, не удержался и рухнул поперек колеи. Его конь шарахнулся, столкнулся с лошадью посыльного и исчез в лесу. Среднего выбросило из седла. Задний успел остановиться и потянулся за оружием.

Фомич выстрелил. Француз начал сваливаться под копыта, его конь отскочил к деревьям. Я выскочил на дорогу с пистолем в правой руке и ножом в левой. Того, кто свалился первым, было уже не слышно.

Посыльный ворочался у края колеи. Он поднялся на колено и потянулся к пистолю у пояса. Я направил на него свой, помотав головой.

Француз замер. Я указал стволом на оружие. Он снял пистоль и швырнул в сторону, потом поднял руки. Посыльный с трудом встал. Я забрал у него сумку, снял саблю. Надо торопиться: выстрел могли услышать с большака.

Конь первого всадника умчался в лес, похоже, с концами. Я убрал нож и пистоль, поймал поводья двух оставшихся лошадей, пока Фомич держал пленного под контролем. Отвели его к Савелию. Я хорошенько связал французу руки за спиной, а егерь направил на него заряженное ружье, чтобы чудить не вздумал. Если так дело пойдет, то у нас тут целый табун будет, подумалось мне глядя на наших лошадей.

Мы с Фомичом вернулись к дороге. Первого стащили за ноги в кусты. Он не дышал; шея была сломана. У третьего я тоже не обнаружил ни дыхания, ни пульса. Убрали его с колеи, подняли выпавшее оружие. Обыскивать убитых было некогда. Кровь закидали сухой землей и хвоей, хотя полностью следы произошедшего так быстро не скроешь. Фомич забрал свое ружье из-за дерева и подхватил трофейное.

Когда подтягивал тело, в ребрах опять прострелило. Пришлось тормозить и отдышаться.

— Рука как? — спросил я Фомича, когда мы уже возвращались с собранными трофеями к егерю.

— Пойдет. — Фомич поморщился, пошевелил пальцами раненой левой руки. — Давай поспешаем, пока никто не приехал.

Француза посадили на его же коня со связанными за спиной руками, Савелия на гнедого, потом сели на своих верховых и мы с Фомичом, ведя в поводу Машку и еще трех трофейных. Семеро теперь, целый табунок как ни крути. На тесной тропе с ними придется повозиться.

Сразу двинулись прочь от места засады. Глянуть, что он вез в сумке, можно и в более безопасном месте.

Версты три мы не выходили на открытое пространство. Фомич вывел нас к мелкому ручью, провел по воде шагов двести, затем поднялся на каменистый берег и свернул к сосняку в стороне от дороги. Пленный со связанными за спиной руками качался в седле. Я держал его лошадь на коротком поводу.

В густом ельнике спешились. Мы усадили пленного спиной к стволу, связали ему ноги и притянули к дереву, не развязывая рук. Савелий устроился неподалеку с ружьем на коленях.

Я раскрыл кожаную сумку и достал конверт с сургучной печатью. Вскрыл, попробовал прочитать. Разобрал фамилию Bordessoulle, название Солечников и две даты: «1er juillet» вверху, «3 juillet» среди строк. Дальше шла французская скоропись. Отдельные слова были знакомы, но смысл из них никак не складывался.

— Зря, похоже, за ней полезли, — сказал я Фомичу. — Знай мы французский, другое дело. А так на кой нам теперь этот посыльный?

Пленный вздрогнул. Быстро забормотал на своем, потом осекся и выдавил:

— Я… русский немного понимать. Сказать, все сказать!

Мы с Фомичом переглянулись.

— Для кого ты это вез? — спросил Фомич, и потряс в руках взятые у меня бумаги.

— Люди генерал Бордесуль. Пост… Солечники. — Пленный кивнул назад, откуда мы приехали.

— Что в них написано?

— Artillerie. Canons. Пушки… три июля. Утро. Здесь брать. — Он начал мотать головой в сторону дороги.

Пленный путался в русских словах, пришлось больше догадываться, и активно жесты использовать.

— Ты сам оттуда едешь? — спросил я.

Разобрались не сразу, но кое-что прояснилось. Утром он был на дорожном посту, потом ездил к начальству и теперь возвращался с приказом. Две повозки с артиллерийским припасом находились там еще при нем. Орудия должны подойти позже и забрать приготовленное. Так я понял из его объяснений, но за каждое слово ручаться бы не взялся.

Третье июля по французскому календарю — двадцать первое июня по-нашему. Сегодня девятнадцатое, у них первое июля. Первая дата, выходит, сегодняшняя, а вторая — через день. Я показал сперва одну, потом другую, пересчитал дни на пальцах. Пленный торопливо закивал.

— Послезавтра, — сказал Фомич. — А не завтра?

— После завтра. Утро.

О числе пушек спросили дважды. Француз подумал и сказал, что их будет восемь, но потом поправился на десять. Сам, похоже, точно не знал. Я хотел спросить подробнее, что именно должны забрать на посту, но быстро уперся в предел его русского и моего французского.

— Почему припас на посту оставили? — спросил Фомич.

— Chevaux. Лошади… нет. Потом брать.

Пленный кивнул на свою лошадь. Не хватило упряжек, пали кони или просто отбились от своих — тут нам оставалось только гадать. Зато про даты он повторял одно и то же. Депешу надо сохранить, у наших должен найтись офицер, который поймет ее содержание.

Савелий сказал, что, возможно, ближе к Ольшанам мы найдем русских и передадим сведения, но успеем ли — он не знал.

Я кивком позвал Фомича к Машке, подальше от пленного.

— Чего делать станем, Кондратий Фомич? — спросил я.

— Даже и не знаю. — пожал он плечами.

— С одной стороны, к Федору спешить надо, а с другой — война идет, а тут у нас под боком такой подарок храниться, — добавил я.

— Мы и так шибко от них отстаем, — вздохнул Фомич, покусывая сорванную с ели веточку. — Да и егерь наш пока еще худой больно. Но и с пушками энтими…

Он помолчал и продолжил:

— Восемь пушек, Даня, много нашей крови прольют. Но как ты к ним подступишься? Мы вон егеря насилу довезли, сами еле ходим.

— А если их припаса лишить? Пушки пусть едут, но стрелять-то чем будут?

Фомич потер ус здоровой рукой.

— При них тоже припас есть, пусть и немного. Не пустыми же они совсем идут. Только на хороший бой может и не хватить, иначе не гоняли бы они посыльного. Если здесь пополниться не смогут, то будут ждать пока другие припасы подвезут.

— Вот пусть и ждут, глядишь несколько дней по нашим войскам стрелять не смогут.

— Сперва поглядеть надо, что там за пост эдакий. Может, нам и на версту к нему не подступиться. Бумагу-то своим отвезти уже дело большое.

— Поглядим. Если не выйдет, то сразу уйдем.

— На том и сойдемся, — махнул Фомич рукой, — только, Даня, ты смотри у меня, сам на рожон не лезь!

Я кивнул, подтверждая, мол понял.

Мы договорились сначала посмотреть. Я убрал депешу в сумку. Если на посту окажется много людей, например, как в Рудниках, то мы точно не полезем. Тогда уж попытаемся поскорее прорваться к нашим и передать бумаги. Вот только где их теперь сыскать? Савелий знал направление, но отряд Дорохова нас ждать не станет.

Я дал пленному воды и ослабил веревку на запястьях. Он зашевелил пальцами. Потом перевязал ему руки спереди, чтобы мог есть сам.

Пока Фомич смотрел за пленным, я расседлал верховых и проверил. Коней сводил к воде по очереди, растянул привязи между деревьями: семерым места требовалось немало.

В переметных сумах нашелся овес. Отсыпали коням, а уж после сами поели толченых сухарей, кипятком заваренных с салом и француза покормить не забыли.

После еды помог Фомичу перезарядить пистоль и проверили все ружья.

К посту двинулись, когда спала жара. Пленного посадили на его коня, руки оставили связанными. На развилке он кивнул в сторону широкой колеи. Фомич остановил нас, не доехав до нее, свернул в лес. Савелий остался с конями и французом. Мы с дядькой отошли, чтобы поглядеть на него с опушки.

Пост оказался возле покинутого двора местных жителей. Жилой дом стоял не далеко от дороги, поодаль темнели сарай и длинный навес. Между ними ходили солдаты, у ворот двое держали ружья в руках. Позади дома виднелись привязанные лошади. Через двор протянули веревки с мокрыми рубахами; значит, расположились здесь надолго, раз даже стираться вздумали.

Я насчитал восемнадцать человек, потом из дома вышли еще трое. Сколько оставалось внутри, пока не понять.

Две длинные повозки с закрытыми кузовами стояли за дальним краем навеса. Солдат с ружьем прошел возле них, остановился у старого забора. Другой держался ближе к воротам. Я поискал глазами пушки: ни лафетов, ни стволов. Значит в этом пленный не соврал.

— Гляди повозки распряжены, — шепнул я.

— Пока да. Видать, про упряжки хранцуз не соврал, может и правда что-то с лошадьми сталось у них.

От дороги подойти было невозможно. Обойти двор в первый раз не успели: за домом показались верховые. Мы спустились с опушки и вернулись к своим. Савелий сидел, вцепившись здоровой рукой в ружье. Пленный молчал, но на шум со стороны поста сразу поднял голову.

— Там они? — спросил егерь.

— Угу, — кивнул Фомич. — Народу там хватает. И повозки стоят, только что в них, покуда не разобрать.

— А если одни лишь ядра? — спросил я.

— Тогда, Даня, нам с тобой там делать нечего. Не съесть же их, и с собой не унести.

Ночевать возле поста не стали. Ушли к ручью, подальше от дороги; пленного привязали к толстой сосне. Дежурили по очереди, за ним тоже пригляд требовался.

К утру двадцатого июня я проснулся с затекшей шеей. Фомич сидел рядом, положив саблю на колени. Пленный лежал боком у дерева и не спал. Услышав, как я шевелюсь, поднял голову.

— Домой, — сказал он. — Я домой хочу.

— Да все мы хотим, — буркнул я, — потерпи козья морда, вот когда ваши кафе в Париже «Бистро» называть станут, тогда и вернешься, станешь нам там с Фомичом и Савелием кофий подавать в белом накрахмаленном переднике.

Француз ничего не понял, а Фомич, слышавший меня только глаза округлил, и о чем-то крепко задумался.

Лягушатнику дал воды и кусок хлеба. Потом мы с Кондратом поменялись, и дядька лег досыпать. До полудня время было: после вчерашней дороги и двух вылазок тело само о том не просто напоминало, а уже вопить начинало, требуя отдыха.

Когда Фомич поспал, я промыл ему рану, сменил повязку. Савелия тоже проверил и велел правой кистью ничего не хватать. До здорового ему было далеко, но выздоровление явно идет, пусть и не очень быстро.

С конями возились по очереди, много у нас их теперь. Они успели вытоптать траву возле привязей, пришлось переводить их на другое место. Фомич проверил оставшийся овес, в том числе снятый с двух новых лошадей, и покачал головой.

— На такой табун этого мало. На одной траве их держать нельзя, да и времени целый день пасти у нас нет. Так что надо корму раздобыть с запасом чтобы!

Пленный просил развязать ему руки. Я дал воды, проверил узлы. До наших вести его было далеко, отпускать возле поста нельзя. Фомич пообещал решить, когда вернемся от дороги. Я не возразил.

Савелий будет сторожить пленного, пока мы снова сходим к посту. Фомич заткнул французу рот свернутым платком, закрепил полосой ткани и проверил узлы на руках и ногах.

— Кричать начнет, не мешкай, — сказал он егерю. — Сам слышал, как близко они вчера ездили, — провел он большим пальцем по горлу, подсказывая что именно имеет в виду.

К дороге вышли после полудня. На посту грузили мешки в телегу. Две закрытые повозки оставались на месте; под навесом работали двое: какой-то мужик чинил колесо кажись, орудуя молотком, а его напарник стоял рядом придерживая.

Никакой артиллерийской колонны мы не дождались. По большаку прошли пешие вражеские солдаты, миновали два верховых. Они свернули на пост ненадолго, один передал какой-то документ, другой долго разговаривал с офицером в расстегнутом мундире. Потом обоим вынесли хлеб, и те уехали. Пушками пока не пахло.

— Похоже, завтра ждут, — шепнул я.

— Если опять чего не переменится, — отозвался Фомич.

Офицер походил, поглядел по сторонам и махнул работникам у колеса. Те отложили инструмент. Вчетвером вместе с присоединившимися солдатами оттеснили телегу с мешками, подведя ее ближе к дому. Между навесом и забором освободилось место; туда откатили обе закрытые повозки. К одной подвели лошадь, примерили постромки, потом опять увели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.